

"Золотая книга сказок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Божена Немцова

Золотая книга сказок

ПРО КОТА, ПЕТУХА И КОСУ

У отца было трое сыновей: старшего звали Мартин, второго — Матей, а самого младшего — Михал. Они уже подросли, и вдруг, однажды отец расхворался, а за несколько дней до смерти призвал к себе сыновей и говорит им:

— Вы знаете, дети, что нет у меня другого богатства, кроме вот этой халупы, кота, петуха да косы.

В халупе жить будете, а остальное разделите между собой. Не ссорьтесь, живите дружно, и бог вас не оставит,— успел он сказать и умер.

Схоронили сыновья отца и поделили наследство. Мартин, который умел хорошо косить, взял себе косу, Матей — петуха, а Михал — кота.

Как-то раз Мартин говорит:

— Вот что, милые братья, сидеть дома и ничего не делать всем троим нельзя, с голоду помрём. Вы как-нибудь вдвоём проживёте, а я пойду с косой по белу свету.

Жили братья дружно, что один сказал, с тем остальные всегда соглашались, а потому возражать не стали. Взял Мартин косу и пошёл по белу свету. Долго ходил, а работы всё нет и нет. Наконец забрёл он в одну страну, где люди очень глупы. У самого города встречает человека, а тот спрашивает, что это, мол, он несёт.

— Косу несу,— отвечает Мартин.

— А что это такое и для чего?

— Траву косить.

— Траву кусать? Так вот, значит, какая это замечательная штука; А мы траву руками выдёргиваем, очень нелёгкое это дело. Зашли бы вы к нашему королю, он вам за такую кусаку хорошо заплатит.

«А почему бы и не зайти? — подумал Мартин.— Возьму-ка да и зайду!»

Человек тут же повёл его к королю, который очень удивился, узнав про такой инструмент, и они немедля договорились, что Мартин отправится на королевские луга траву обкусывать.

Идёт Мартин на луг, а за ним — толпа зевак. Мартин, не будь дурак, воткнул косу в землю посреди луга и велел одному из слуг принести обед на двоих. Потом прогнал с луга всех зевак. В полдень приносят ему слуги обед на двоих и диву даются, сколько уже скошено.

— А что, ваша кусака тоже будет есть? — спрашивают у Мартина.

— Коль работает, то и есть должна. Ладно, идите себе восвояси, оставьте нас.

Слуги ушли, а Мартин весь обед, разумеется, съел сам.

«Ловко это я придумал с обедом. Если бы принесли на одного, остался бы я голодным».

Так повторялось изо дня в день, пока он все луга не выкосил. Когда работа была готова, пошёл Мартин к королю за деньгами, косу несёт на плече.

— А что, твоя кусака сама траву кусает? — спрашивает король.

— Сама, ваша королевская милость! — отвечает плут.

— Ты бы не оставил её нам за тысячу золотых?

— Стоит она, ясное дело, куда дороже, но так уж и быть, вам я отдам за тысячу, — важно сказал косарь, отдал косу и, получив деньги, отправился домой.

Король велел поставить косу в отдельную комнату, чтобы с нею чего не случилось.

На следующий год трава выросла снова, и настала пора её косить.

Король приказал вынести кусаку на луг. С торжеством превеликим отнесли косу на Луг, воткнули в землю и удалились в полной уверенности, что кусака не любит, когда на неё глазуют. В полдень примчались слуги с обедом — очень им не терпелось увидеть много ли уже сделано. А коса, где её утром оставили, там и стоит. Удивились слуги. Поставили обед рядом с нею и отправились доложить королю.

«А ведь сколько было покусано за первые полдня, когда тот человек был с нею. Почему же она не хочет кусать?» — думал король и качал головой.

Вечером опять пришёл слуга и сказал, что коса ни к лугу, ни к обеду даже не притронулась.

— Должно быть, она заколдована, — говорит король. — Всыпьте-ка ей двадцать горячих, а если и тогда кусать не станет, мы её закопаем.

По высочайшему повелению принесли на луг скамью, положили на неё косу, экзекутор отсчитал двадцать ударов. После каждого удара коса на скамейке подпрыгивала и притом кое-кому из чересчур любопытных стучала по носу.

— Он её заколдовал! — кричали зеваки. — Закопать её!

Так и сделали: косу закопали в землю, а траву, как и прежде, рвали руками. Для братьев настали хорошие времена, добром они поминали отца за то, что он оставил им такое доходное наследство. Но время шло — и деньги стали подходить к концу. Тогда сказал Матей:

— Теперь пойду по белу свету я со своим петухом — может, и мне повезёт сбыть его так же выгодно, как тебе удалось сбыть косу.

— Только иди далеко-далеко, туда, где ещё не перевелись дураки, в Чехии их уже не так много, — советовал брату Мартин.

Матей прихватил свою часть наследства и отправился в путь. Подходит он к какому-то городу и встречает пана.

— Что это ты несёшь, дружище? — спрашивает пан.

— Несу петуха, — отвечает Матей.

— У нас здесь таких птиц нету. А какой от него прок?

— Эта птица призывает день.

— Вот диво дивное! А мы каждый раз провожаем день вон за тот холм, а утром приходится снова идти и встречать его. Очень это большое неудобство. Если твоя птица умеет призывать день, король тебе заплатит за неё не одну тысячу.

— Так ведь сами можете убедиться,— сказал Матей, и отправились они с паном к королю.

— Милостивый король, у этого человека есть птица-зивица, которая день призывает, а когда она отправляется спать, день тоже спать уходит.

— Если всё так, как ты говоришь, я никаких денег не пожалею.

— Милостивый король в этом может очень скоро убедиться.

Посадили петуха в золотую клетку, новое жильё ему понравилось, он почувствовал себя как дома. А вскоре и день отошёл, и никто не стал его провожать. Король обрадовался и с нетерпением стал ждать утра. Встал он в полночь, чтобы увидеть, как петух будет день призывать.

Пробил час — ничего! Пробило два — петух закукарекал, и все переполошились — что за чудное пение! Пробило три часа, петух опять стал кукарекать и так шумел до четырёх, пока совсем не рассвело.

Когда король сам увидел, что петух на самом деле день призвал, велел он выдать Матею из сокровищницы пять тысяч и оказать ему почести. Матей сгрёб деньги, плотно наелся, напился, потом поблагодарил короля и отправился домой.

Встретили братья его радостно и опять какое-то время жили хорошо. А поскольку хозяйничали они не скупясь, раскатились денежки у них довольно скоро. Когда их уже осталось совсем мало, Михал и говорит:

— Теперь, братья, пойду по белу свету я, испытаю-ка свое счастье. Может, за коту добуду столько же, сколько и вам удалось.

И ему братья посоветовали идти как можно дальше, где люди поглупее, — в Чехии, мол, за коту ничего не дадут. Михал сунул коту в мешок и ушёл. Долго ходил он, пока не пришёл в одну страну, где люди говорили на непонятном языке. Но пока добирался до столицы, научился их понимать и кое-как мог договориться. У самого города попадается ему навстречу один пан и спрашивает, что это он несёт в мешке.

— Кота,— отвечает Михал и показывает его пану.

— Странный зверь. А какой от него прок?

— Он ловит мышей. Сколько бы их в доме ни было,— всех переловит.

— Прячь-ка ты своего ловца в мешок да пойдём к королю. У нас в замке столько мышей — ну разве что по столу не бегают. Король готов отдать что угодно тому, кто сумеет их из замка выгнать.

— Что ж, помочь, конечно, можно,— отвечал на это Михал, сунул коту в мешок и быстро

пошагал за паном. Пришли они к королю, пан и говорит:

— Милостивый король, у этого человека с собой кот-ловец. Это такой зверь, который ловит мышей, и, если ваша милость велит купить, он готов кота продать.

— Коли так, я куплю с удовольствием.

— Милостивый король, вы только скажите, где тут у вас мышей побольше, и тотчас же убедитесь, как мой котик их ловит.

Михала тут же повели в чулан, где мышей было видимо-невидимо, прямо по ногам бегали. Развязал

Михал мешок, кот выскочил и стал ловить одну за другой.

Король несказанно обрадовался и тут же велел заплатить десять тысяч золотых. Михал даже себе не поверил, получив столько денег, и весело направился домой. Прошло два дня — и король вдруг задумался: а кого же будет душить этот ловец, когда мышей не станет? Этого никто не знал, а Михала уже и след простыл. Тогда король велел послать вслед Михалу гонца на самом быстром коне.

А Михал тем временем преспокойно шагал по той же дороге, что привела его в город. На четвёртый день пути вдруг видит, что за ним гонится всадник и ещё издали кричит ему. Остановился Михал. Всадник подъехал и на ломаном полунемецком-получешском языке стал о чём-то спрашивать, а о чём — Михал никак понять не может. Тогда Михал решил помочь ему и спрашивает по-немецки:

— Was? (Что? (По-русски звучит: «вас».)— Прим. перев.)

Услышав это, всадник вдруг повернулся и умчался, как будто его ветром сдуло. Михал подумал: «Видно, спятил парень». И пошёл себе дальше.

Весь запылённый, взмыленный от скачки, вернулся гонец в замок и, спрыгнув с коня, тотчас же помчался к королю и доложил:

— Милостивый король, новость печальная: как только кот переловит всех мышей, нам конец!

— Кто это тебе сказал? — спрашивает гонца перепуганный король.

— Тот человек, что нам кота продал. Догнал я его на дороге и спрашиваю: «Кого зверь будет душить, когда всех мышей переловит?» А он мне и говорит:

«Вас!»

Король тут же созвал королевский совет, и все стали думать, что же с котом делать. Долго совещались и порешили: запереть его в чулане и приставить удвоенную стражу, чтобы кот не сбежал.

В ту же минуту самый главный генерал получил приказ поставить четверых самых сильных и самых храбрых солдат на охрану чулана. Целый день и целую ночь на каждом углу стоял страж, помирая от страху всякий раз, когда из комнаты доносился шум. На вторую ночь наступила тишина — кот всех мышей переловил. Утром в чулане ни звука, ни шороха. Страж, стоявший ближе к окну, подумал: что бы это значило? Осмелев, он заглянул в окно. И — о

горе! Кот сидел на подоконнике и, как только увидел бороду, усы и мохнатую шапку, с перепугу выбил стекло и задал стрекача. Второй страж слышал крик, побежал узнать, в чём дело, и видит: лежит солдат бородой кверху и молчит. Во весь опор помчался он в замок с криком:

— Ах, плохи дела, плохи, милостивый король! Этот свирепый мышелов выбрался из чулана и загрыз моего приятеля, того, что возле окна стоял. Бог знает, где тот кот теперь бегаёт и сколько людей уже передушил. О горе нам!

Тотчас же все стали запира́ть дома, кто мог — попрятался, а король приказал, чтобы полк самых храбрых солдат надел самые прочные доспехи и двинулся в поход на кота. Королевский приказ тут же был исполнен, но, хоть и гнались за котом целых три дня, так и не догнали.

А братья в это время жили дружно и мирно, хозяйство вели лучше, чем раньше, потому как знали: больше им надеяться не на кого. И частенько, собравшись вечерком, вместе над глупцами потешались.

БУТОН РОЗЫ

У отца было три дочери — прекрасные, словно розы. Самая младшая была и самой стройной, и самой доброй, и самой работающей. Собрался однажды отец в столицу на ярмарку. Перед тем как уйти, спросил у каждой, что ей с ярмарки принести. Две старшие стали просить платья, украшения, безделушки. Младшая же не просила ничего и лишь после того, как отец спросил её во второй раз, что ей хочется, сказала:

— Я, батюшка милый, не прошу ничего, кроме бутончика розы, но чтобы краше его не было на свете!

— Будет тебе бутончик! — пообещал отец, попрощался с любимыми дочерьми и отправился в путь.

Добрался он благополучно. Денег у него было достаточно, так что накупил всего более чем нужно. После того как он купил для старших дочерей всё — платья, украшения, разные безделушки, отправился он за бутоном розы. Всю ярмарку исходил, все сады обошёл — нигде нет роз. Время, когда они цветут, прошло, и купить бутон невозможно было ни за какие деньги.

Очень опечалило его, что скромную просьбу самого любимого чада он не может исполнить.

Шёл он домой огорчённый и по пути продолжал спрашивать про бутон розы.

До дома оставалось уже недалеко, нужно было только лес миновать. Задумался он, идёт, на дорогу не смотрит — заблудился и забрёл в чащобу. Заметив, что сбился с пути, стал продираться сквозь заросли, вышел в небольшую долинку и видит: стоит посреди розовый куст и на нём — один-единственный прекрасный бутон.

От радости он даже вскрикнул. Подошёл к кусту и сорвал бутон.

В тот же миг лес загудел так, словно буря по нему пронеслась, земля задрожала, а из-за куста на него кинулся огромный страшный зверь.

— Как ты посмел сорвать бутон розы, самый любимый мой цветок, прекраснее которого нет на свете? — взревел зверь таким громовым голосом, что от страха у отца ноги совсем подкосились. Дрожа, стал он объяснять, для кого сорвал этот бутон, предлагал зверю деньги, сколько бы тот

за бутон ни спросил, готов был отдать всё, что у него было.

— Не хочу я денег за бутон. Отдашь за него то, что первым увидишь, когда домой вернёшься! — сказал ему страшный зверь грозно.

Что горемыке оставалось делать? Пообещал зверю, что он требовал, лишь бы живым уйти.

— Через три дня пришлешь мне обещанное сюда, на это место, а не пришлешь — худо будет!

Сказал это зверь и исчез, а отец, ещё более опечаленный, пошёл домой.

Приближаясь к дому, ничего он не желал, кроме того, чтобы никто его не встретил. И, на свою беду, самая младшая из дочерей ещё издали завидела, что кто-то идёт, бросила всё и поспешила навстречу.

Кошку, собаку, кого угодно был бы рад он увидеть первым, только не младшую дочь, любимицу свою. Но того, что случилось, уже было не изменить.

— А принёс ли ты мне, батюшка, бутончик розы? — спросила она, целуя отца.

— Принёс, принёс. Красивый, краше не сыщешь на свете, только уж больно он дорогой, дитя моё! — сказал отец и горько заплакал. Дочка испугалась и стала упрекать, зачем, мол, он тогда покупал, но отец только ниже голову опустил.

— Ох, дитя, моё, ведь я всё своё богатство с радостью отдам, лишь бы тебя спасти! — отец ей на это в ответ и стал рассказывать про то, что с ним случилось, как всё произошло и что на третий день придётся ей к тому зверю в лес идти.

Выслушала рассказ отца дочка, испугалась, конечно, но сердце у нее было доброе и смелое, и она сказала так:

- Не печальтесь, батюшка. Коль уж суждено, значит, вытерплю! — утешала она отца, засунула прекрасный бутон за пояс, и они вошли в дом.

На третий день утром попрощалась она с родным домом и направилась к лесу.

Отец провожал её, плакал. На опушке они распрощались, и дальше она пошла уже одна по тропинке, которую ей указал отец.

Тропка привела её прямо в долину, где куст рос.

Взяла она бутон в руку, огляделась вокруг, но никого не увидела. Тогда она смело подошла к кусту и крикнула:

— Я здесь!

В тот же миг загудел лес, задрожала земля, расступилась — и девицу стремглав понесло вниз.

Пришла она в себя и видит, что стоит в дивном саду перед замком из чёрного мрамора, а справа от неё — страшный зверь. Задрожала она, а зверь ласковым голосом говорит ей:

— Ты меня не бойся, девица-краса, я тебя не обижу. Погуляй по саду, в замок войди, там найдёшь стол и кров. Только, что бы ни увидела, не произноси ни слова, что бы ни терзало тебя,— наберись терпения и молчи. Вытерпишь — будешь счастлива.

Сказав это, зверь исчез, а девица очень удивилась и задумалась над тем, что зверь ей сказал. Погуляла она по саду, а когда дал знать о себе голод, вошла в замок. Внутри замок был такой же чёрный, как и снаружи, и вся мебель в нём была тоже чёрная. В одной из горниц был накрыт стол, стояли разные яства. Девица отведала каждое. Всё оказалось очень вкусным, напилась из родника, а когда небо засияло вечерней зарей, отправилась спать.

Около полуночи по всему замку разнёсся страшный грохот, двери с треском распахнулись, и в горницу, где девица спала, ворвалась свора страшной нечисти и набросилась на неё. Её щипали и рвали, кололи, пока всю не истерзали. Но она молчала.

Исчезло всё так же внезапно, как и появилось. Девица уснула, а проснувшись утром, увидела, что треть замка стала белой.

Когда она пришла в сад, зверь тут же стал её спрашивать про то, что было ночью, и она ему всё рассказала, как нечисть терзала её.

И уже несколько она зверя не боялась, да и выглядел он не таким уж и страшным, каким показался сразу.

После того как она ему всё рассказала, он приветливым голосом напомнил ей, что нужно быть терпеливой и ни слова не промолвить, если даже будет хуже, чем в первую ночь. Потом он снова исчез, оставив девицу одну.

И опять ходила она по дивному саду, а когда проголодалась, пошла в замок поесть и к роднику напиться, вечером же отправилась спать.

Только успела она немного поспать, как в полночь опять раздались шум и крик куда сильнее, чем в первую ночь. В комнату ворвалась стая разных чудищ и набросилась на неё, как саранча на луг. Они щипали её, били, за волосы таскали, кололи, измывались над нею, как могли, но девица молчала как рыба, хотя после того как её оставили в покое, она шевельнуться не могла от боли.

Утром едва добрела до сада, где зверь уже ждал её. Жалко ему было девицу, но всё же он продолжал её горячо умолять, чтобы и третью ночь она перетерпела и ни слова бы не проронила, даже если ей покажется, что пришёл конец.

Грустила девица, когда зверь покидал её, скучала по нему, вовсе не казался он противным, и ей было приятно, когда он с нею разговаривал.

Взглянула она на замок — увидела, что ещё одна треть его побелела.

Весь день она гуляла по саду, в замок зашла поесть, к родничку — напиться, — так незаметно прошёл день, и настала ночь. Со страхом ложилась она в постель и никак не могла уснуть. Но в конце концов решила: «Будь что будет, слова не молвлю». Около полуночи опять ворвались всякие твари, ещё более дикие и мерзкие, чем до этого. Опять стали они её терзать: щипали, стащили с кровати, таскали за волосы, кололи. Девица молчала как рыба, но, когда стали они рвать её тело, не вынесла она боли и вскрикнула: «Ой!»

В тот же миг замок задрожал, нечисть исчезла, а рядом с девицей стоял прекрасный юноша, целуя ей руки. Когда она немножко пришла в себя, юноша рассказал ей, что он княжеский сын, владелец замка и всего этого края, что много лет назад одна злая Баба Яга из мести заколдовала его, и он должен был оставаться страшным зверем до тех пор, пока чистая девичья душа его не освободит, вынесет за него, зверя страшного, муки и боль молча и

терпеливо.

Рассказал ей всё это молодой князь и добавил:

— Ты, девица-краса, освободила меня, так стань же моей женой и хозяйкой в моём замке, если будет на то твоя воля!

Конечно же, она с радостью согласилась выйти замуж за прекрасного юношу и стать хозяйкой в замке. И дали они друг другу слово верности.

Утром, когда молодая невеста пошла в сад, увидела, что замок полон слуг и всё сияет красотой. Через несколько дней приказал князь запрячь лошадей в карету, и со всей свитой поехали они навестить отца и сестёр.

Как обрадовался отец, увидев дорогое своё дитя, оплаканное уже, счастливым, да к тому же с прекрасным мужем,— каждый, пожалуй, может себе представить.

ХИТРОУМНАЯ ГОРЯНКА

Жили-были два брата. Один был богатый хозяин, но бездетный. Второй — бедный и очень добрый крестьянин с единственной дочерью. Когда девочке пошёл двенадцатый год, отдал он её брату гусей пасти. Два года она у него работала за то, что её кормили, через два года окрепла и стала служанкой.

— Ты, Манка, только честно служи,— сказал ей дядя. а когда будешь уходить, дам тебе вместо жалованья тёлку. меня как раз есть четырёхнедельная телочка, я её ещё подращу, и будет она тебе милее денег.

— Согласна! - отвечает Манка, и с той поры работа у неё в руках горела, ни один дядюшкин крейцер зря не пропал. Но дядя её был пройдоха. Манка честно и безропотно прослужила три года. Отец хворал, старел, пришлось ей возвращаться домой. И тогда она попросила отдать ей тёлку, которая к тому времени уже стала хорошей коровой. Гут милый дядюшка стал говорить, что вроде бы оно так, да и не так, что так много он ей не заплатит, что он. мол. ей этого не обещал и хотел от бедной Манки несколькими грошами отделаться. Та, однако, была не так глупа, чтобы деньги брать, а дома со слезами всё отцу рассказала и стала подбивать его пойти к пану прокурору с жалобой. Отца возмутила бессовестность брата: не мешкая, он отправился в город и подал жалобу. Пан прокурор выслушал его и послал за богатеём. Тот прекрасно понимал, что, если уж прокурор как-нибудь не пособит, корову придётся отдавать, и потому всячески хотел его в свою пользу расположить.

Пан прокурор был в затруднении. Богатого ему не хотелось гневить, но закон всё же был на стороне бедного. Тогда он рассудил хитро. Пригласил каждого из них по отдельности и загадал загадку: «Что это может быть: самое быстрое, самое сладкое и самое богатое?» Кто отгадает, тот и получит корову.

Недовольные пошли братья домой и всю дорогу ломали голову, что бы это могло быть, но ни тот, ни другой додумать до разгадки не смог.

- Ну и как? - спросила жена у богача, когда он пришёл домой.

- Чёрт бы побрал эти суды! Влип я.- сказал богач и швырнул свою хорьковую шапку на стол.

Но почему же? Ты что, проиграл?

— Да что там «проиграл»? Ещё не проиграл, но теперь наверняка проиграю. Загадал мне прокурор загадку: что на свете самое быстрое, самое сладкое и самое богатое? Если угадаю, корова моя.

— Подумаешь, тоже мне загадка. Я её тебе разгадаю. Что может быть быстрее нашей собаки, слаще, чем мёд в нашей бочке, и богаче, чем наш сундук с талерами?

— Правильно, жена, ты угадала! Корова наша!

Богач успокоился и с удовольствием поел всё, что жена ему приготовила.

Бедняк пришёл домой опечаленный, повесил шапку на гвоздь и присел к столу.

— Ну, как, уладили дело, отец? — спрашивает Манка.

— Как бы не так! Уладили! Оба они — господа, от них человек спянуть может.

— И всё-таки, чем дело кончилось, расскажите!

Отец рассказал, какую загадку ему прокурор задал.

— Только-то и всего? Не печальтесь, это я разгадаю, а утром скажу, что отвечать.

Бедняк, однако, почти всю ночь глаз не сомкнул. Утром Манка входит в комнату и говорит:

— Когда прокурор станет вас спрашивать: скажите, что самое сладкое — сон, самое быстрое — глаз, а самое богатое — земля, от неё всё берёт начало. Только слушайте меня и не вздумайте сказать, от кого вы это узнали.

Шёл бедняк к пану прокурору, а самого любопытство разбирало, правильным ли будет ответ.

Сперва прокурор пригласил богача и спросил, разгадал ли он загадку.

— Ну, как сказать... вроде бы, да, — отвечал богач. — Нет ничего быстрее моей собаки, которая умеет всё вынюхать и выследить, нет ничего слаще мёда в моей бочке, что стоит уже четыре года, нет ничего богаче, чем сундук с моими талерами.

Сказал пан прокурор, пожимая плечами:

— Я не уверен, что это так, послушаю-ка, что ваш брат скажет.

— Милостивый пан, я думаю, что самое быстрое — это глаз, который в один миг всё увидит. Самое сладкое — сон, потому что когда у человека огорчения или он устал, то во сне он ни о чём не думает, даже иногда радуется, а самое богатое — земля, от которой всё наше богатство берёт начало.

— Ты угадал и получишь корову. Только поведай мне, кто тебе это подсказал, уверен, что твоя голова до этого не додумалась бы.

Долго бедняк не хотел говорить, но пан прокурор продолжал добиваться, крестьянин запутался и сказал как было.

— Ну, хорошо, коль уж твоя дочь такая хитроумная, пусть явится завтра ко мне, только не днём, но и не ночью, она не должна быть одета, но и не раздета. Пусть явится не пешком, но и

не на повозке.

Бедняку опять лёг камень на сердце.

— Милая Манка! — сказал он, придя домой.— Ты правильно всё угадала, только прокурор не поверил, что это я придумал, и заставил меня во всём признаться. Теперь ты должна явиться к нему, но не днём и не ночью, не раздетой, но и не одетой, не пешком, но и не на повозке.

— Только-то и всего? Ладно, не печальтесь, я что-нибудь придумаю.

В два часа пополудни Манка встала, взяла дерюжный, очень редко тканый мешок и надела его на себя. На одну ногу натянула чулок, на другую обула туфлю, а когда время подошло к трём — было ни день, ни ночь,— села на козу и полупешком, полуверхом добралась до города. Пан прокурор смотрел в окно и хитроумную горянку поджидал. Увидев, как ловко она сыграла свою роль, вышел ей навстречу и сказал:

— Теперь вижу, что ты смышлёная девушка. Если хочешь, возьму тебя в жёны.

— Отчего же нет? Хочу! — отвечала Манка, смерив пана прокурора взглядом с головы до пят. Жених взял красавицу невесту под руку и повел её в дом. После этого послал за отцом, за портным, велел сшить платье для будущей госпожи прокурорши.

За день до свадьбы жених наказал невесте, чтобы она никогда не вмешивалась ни в его дела в суде, ни во что другое, а если не согласна, то сию же минуту может возвращаться к отцу.

— Сделаю так, как ты велишь! — отвечала невеста.

На следующий день была свадьба, и Манка стала важной госпожой. Но все относились к ней хорошо, ко всем она была добра и мужа любила, за это её и уважали.

Однажды пришли к пану прокурору два крестьянина. У одного был жеребец, у другого — кобыла, держали они их вместе. Когда у кобылы появился жеребёнок, возник спор, кому он принадлежит. Хозяин жеребца утверждал, что все права на его стороне. Хозяин кобылы доказывал, что у него на жеребёнка ещё больше прав. Спорили они так до тех пор, пока не пришли к пану прокурору. Хозяин жеребца был очень богат, отозвал прокурора в сторонку, шепнул словечко — и жеребёнок достался ему.

Пани прокурорша сидела в соседней комнате, всё это слышала, и несправедливое решение мужа ей не понравилось. Когда крестьянин, тот, что был победнее, вышел, она кивнула ему, отвела в сторону и сказала:

— Простак, зачем же вы позволили себя так околпачить? Да где это слыхано, чтобы у жеребца был жеребёнок?

— Так ведь я... оно конечно, думаю, что неправильно это со мною... но коль уж так решил пан прокурор, что же я могу поделывать?

— Охотно верю. Послушайте, что я вам скажу, только не проговоритесь, кто вам дал совет. Завтра возьмите сеть, около полудня заберитесь на холм Скарман и делайте вид, будто ловите рыбу. В эту пору муж мой с несколькими панами пойдёт мимо. Как увидят вас, станут спрашивать, что вы там делаете, а вы им ответите: «Если у жеребца могут быть жеребята, почему бы рыбам не расти на холме?»

Крестьянин поблагодарил её и обещал, что сделает так, как она советует.

На другой день пошёл пан прокурор с несколькими панами на охоту. Ещё издали видят, как на холме Скарман крестьянин сети расставляет. Засмеялись они, а когда подошли к самому холму, спрашивают крестьянина, что он там делает.

— Ловлю рыбу,— ответил крестьянин.

— Ты что, спятил? — закричал на него прокурор.— Где это видано, чтобы на холме рыбы росли?

— Если у жеребцов могут быть жеребята, так отчего же рыбам не расти на холме? — отвечает на это ему крестьянин.

Пан прокурор покраснел, как пион. Тут же подозвал крестьянина, отвёл в сторону и говорит:

— Жеребёнок твой, но прежде скажи мне: кто тебе такой совет дал?

Крестьянин запырлся как мог, однако пани прокуроршу всё же выдал.

Вечером приходит пан прокурор домой, на жену даже не смотрит, делает вид, будто её просто не замечает, ни слова не говорит, ни на один её вопрос не отвечает. Жена сразу поняла, какой червь его гложет, но терпеливо ждала, чем всё это кончится. Через какое-то время муж говорит ей:

— Помнишь, что я тебе перед свадьбой наказывал?

— Помню, как же, помню.

— Тогда зачем же ты крестьянину советы давала?

— Потому что терпеть не могу несправедливости. Бедняка обманули.

— Обманули или нет — не твоё это дело. А теперь иди, откуда пришла. А чтобы ты не говорила, будто я обошёлся с тобой несправедливо, разрешаю тебе взять отсюда то, что тебе всего дороже.

— Спасибо, дорогой муж, за твою доброту, коль уж по-иному нельзя; я тебе подчиняюсь. Позволь напоследок с тобою поужинать, как будто между нами ничего не произошло.

Манка тут же побежала на кухню, приготовила вкусный ужин, подала лучшее вино.

Когда всё было подано, оба сели за стол, ели, пили, беседовали, как на пиру. Хозяйка один за другим произносила тосты за мужа, а как только заприметила, что он уже основательно подвыпил, велела слуге подать ей бокал вина, налитый заранее.

— Милый муженёк! Выпей на прощанье этот бокал вина за моё здоровье. И я уйду домой.

Муж взял вино и выпил его за здоровье жены. Только языком после этого он уже едва ворочал. Вскоре голова его поникла и он крепко заснул. Хозяйка всё заперла, слуги уложили хозяина на кровать, потом взвалили её себе на плечи и отправились вслед за хозяйкой. Глубокой ночью отец увидел, что к дому его движется непонятная процессия, и воздел к небу руки. Когда же дочь ему всё объяснила, он успокоился. Солнце стояло уже довольно высоко, когда пан прокурор пробудился. Огляделся, протёр глаза, а что же с ним случилось, вспомнить не может.

Тут в дверях появляется его жена в чистеньком простом деревенском платье и в чёрном чепце.

— Ты всё ещё тут? — спрашивает он её.

— Ну, а почему бы мне не быть тут? Ведь я дома.

— Тогда что же здесь делаю я?

— Разве ты не позволил мне взять с собою то, что мне всего дороже? Дороже всего мне ты, вот я тебя и взяла.

Пан прокурор засмеялся и сказал:

— Прощаю тебя! А поскольку, как я вижу, ты хитроумнее меня, отныне судить будешь ты, а не я.

Пани прокурорша обрадовалась, с того дня судила она, судила умно и справедливо.

ПРО ЖАР-ПТИЦУ И МОРСКУЮ ЦАРЕВНУ

В одной деревне жили в далёкие времена муж с женою. Детей у них не было. Были они люди честные, но бедные. Однако, как ни бедны они были, всё же хотели, чтобы бог послал им наследника.. И через некоторое время родила жена здоровенького сынка. Пошёл муж крёстных искать, но к бедняку никто в кумовья идти не хотел. Расстроился он и огорчённый возвращался домой. И тут, неподалёку от хижины своей, повстречал нищего.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его нищий.

— Как же мне не печалиться? Родила жена сыночка, а я не могу ему крёстного найти! — отвечает отец.

— Ну, хоть я и нищий, но, если ты не против, стану крёстным, только у меня нечего ему дать на зубок, вот всего семь крейцеров,— говорит нищий.

— Так ведь я ничего и не прошу, будьте ему крёстным.

— Иди домой, а я тебя буду у костёла ждать,— отвечал нищий.

Пришёл отец домой и тут же похвалился жене, что крёстного он уже нашёл. Взяли они сыночка и отправились его крестить. Нарекли его Янко. Старик нищий, что стал его крёстным, дал ему на зубок семь крейцеров, благословил и исчез.

Родители спрятали эти семь крейцеров и решили: пусть будет какая угодно бедность, тратить их они не станут.. Только с той поры, как у них появился Янко, в хижине достаток был, и дела шли хорошо. Янко рос как на дрожжах и день ото дня становился всё пригожее. Родители в нём души не чаяли. Янко хоть и любил отца и мать, но всё же тянуло его свет повидать.

— Дорогие матушка и батюшка! — сказал он им в один прекрасный день.— Вы много для меня сделали, я уже встал на ноги и могу о себе позаботиться сам. Пожалуйста, отпустите меня белый свет повидать.

Горько было слышать родителям слова Янко, стали они его отговаривать, плакали.

— Да вы не плачьте и не бойтесь, дорогие родители, через год-другой я вернусь и о вашей

старости позабочусь,— утешал их Янко.

Увидели родители, что по-иному не выходит, и решили: пусть по его будет, и стали понемногу готовить его в дорогу. И тут, когда родители совет держали, как сына получше в дорогу собрать, у дверей вдруг появился старик, держа за узду красавца коня, и спрашивает:

— Не надо ли вам коня?

— А за сколько? — спрашивает отец.

— За семь крейцеров! — отвечает старик.

— Ладно, Янко, купи его за те семь крейцеров, что получил на зубок, — говорит отец и тут же приносит деньги, что были спрятаны.

Янко охотно отдал старцу семь крейцеров, и тот, вручив ему коня, сразу ушёл.

Много радости доставил Янко великолепный конь, которого он так неожиданно получил.

Накормил его Янко, собрал в путь, попрощался с родителями, потом вскочил в седло и, не долго мешкая, отправился по белу свету.

Были они уже далеко от дома, ехали по зелёному лугу, вдруг говорит конь Янко:

— Не зевай, подбери то, обо что я споткнусь.

Удивился Янко, что конь его разговаривает, хотел было ответить, но в тот момент конь споткнулся — и на земле заискрился огонёк, а когда Янко поближе пригляделся, то увидел, что не огонёк это, а золотое перо.

— Взять его? — спросил Янко коня.

— Возьми, это перо из крыла Жар-птицы, бери, только хорошенько спрячь его... Сперва оно тебе недобрую службу сослужит, а потом добрую,— отвечал конь.

Янко перо поднял, завернул его в белый платок и спрятал за пазуху.

Едут они дальше, подъезжают к столице одного королевства, проезжают мимо королевского замка, а в это время король в окно смотрит. Увидев добра молодца на коне, спрашивает, куда это он едет.

— По белу свету счастья искать, — отвечает Янко. — А ты бы не хотел у меня служить? — спрашивает король.

— Отчего же нет, если вы меня возьмёте. Только и коня моего со мной берите на службу, без него не пойду.

— Что ж, беру тебя с конём, коль хочешь,— говорит король.

Янко въехал в замок, поступил на королевскую службу, и дали ему работу — ухаживать за шестёркой великолепных лошадей, которых в карету короля запрягали. Своего коня он поставил в углу конюшни, там же и сам спал рядом с ним.

С той поры как Янко стал за лошадьми ухаживать, день ото дня становились они краше, шерсть

сделалась как бархат, гривы спадали золотыми волнами, в глазах сверкал огонь. Нравилось это королю, хвалил он Янко. Челядь, однако, дивилась: что происходит с лошадьми, за которыми Янко ухаживает, глаз не оторвать от них, словно кормит он их лучше, хотя всем овса дают одинаково. Не к добру, мол, это. Особенно один слуга из королевской челяди ненавидел Янко и королевскому расположению к нему завидовал. Решил он дознаться, что же Янко с лошадьми делает. Как задумал, так и сделал.

Однажды вечером прокрался в конюшню и, спрятавшись за сено, сваленное в углу, стал поджидать

Янко. Когда совсем стемнело, Янко вошёл в конюшню не зажигая огня. Заложил щеколду, вынул из-за пазухи белый платок, в котором у него было завёрнуто золотое перо Жар-птицы. Положив платок на окно, развернул его — и в тот же миг озарилась ярким светом вся конюшня. Янко снял шапку, повесил её на гвоздик, сбросил сюртук и стал чистить лошадей, одну за другой расчёсывать и весело напевал при этом.

Окончил он работу, завернул золотое перо в платок и только тогда улёгся на сено подле своего коня.

Когда рассвело, подлый слуга выбрался из-за сена, увидел, что Янко крепко спит, забрал перо вместе с платком и удалился так же тихо, как и пришёл.

Едва настал белый день, слуга поспешил к королю, золотое перо ему отдал и всё рассказал про то, как и где он его добыл. Выслушал его король и послал за Янко. Перо королю понравилось, и подумал он: «Если одно перо так сияет и такое красивое, то какой же должна быть вся птица?»

Явился Янко к королю, тот сердито на него взглянул и сказал гневно:

— Как ты смел утаить от меня золотое перо Жар-птицы, за это ты смерти достоин!

— Да простит меня ваша королевская милость, я не думал, что это перо может вам так понравиться,— оправдывался Янко.

— Прощаю тебя, но ты должен за это принести мне Жар-птицу, а не принесёшь — голова с плеч!

Сказал это король и отвернулся, а Янко заплакал и вернулся в конюшню.

— О чём плачешь, Янко, что случилось? — спрашивает его конь. ч

— Да как же мне не плакать и не горевать, конь мой милый, если король приказал мне добыть Жар-птицу, а не добуду — голова с плеч! Горе мне! Где я возьму Жар-птицу?

— А помнишь, что я тебе говорил: сперва золотое перо это будет не к добру, а потом к добру. Ну, не плачь, я тебе помогу. Но сперва проси у короля корытце золотой пшеницы и сеть шёлковую. Потом запасись снедью, садись на меня, и отправимся мы в путь.

Вернулся Янко к королю с просьбой дать ему корытце золотой пшеницы да сеть шёлковую. Король приказал, чтобы дали ему всё, что он просит.

Когда всё было готово, навьючил Янко коня, вскочил на него — и в мгновение ока оба они скрылись за воротами.

Ехали они много дней, ехали через горы высокие, через доли широкие и наконец приехали к золотому холму. Тут конь остановился и говорит Янко:

— Возьми сеть, золотую пшеницу и иди на холм, что перед тобой. На том холме есть родник. К тому роднику каждую ночь прилетают Жар-птицы воду пить. Насыпь вокруг родника золотой пшеницы. Птицы прилетят, станут её клевать, в тот же миг ты должен успеть схватить одну из них. Как схватишь, набрасывай на неё сеть и зови меня. Как конь сказал, так Янко и сделал: взял с собой пшеницы, сеть и отправился на золотой холм. Добрался он туда уже к вечеру.

На холме был родничок, а вода в нём чистая, как хрусталь. Насыпал Янко пшеницы вокруг родничка, потом лёг на землю и стал поджидать. Когда настала ночь, вся вершина вдруг озарилась, словно над нею солнце взошло,— это летели Жар-птицы. Опустились они к родничку и, увидев золотую пшеницу, рассыпанную вокруг него, стали жадно клевать зёрна и драться из-за них между собой.

Залюбовался Янко прекрасными птицами, затаил дыхание, чтобы не испугнуть, а когда одна из них, самая красивая, подошла близко, он метнулся молнией, схватил её за ногу, набросил на птицу сеть и изо всей мочи стал звать коня. В тот же миг конь стоял рядом. Янко с птицей вскочил на него — и поминай как звали. Им повезло, потому что Жар-птицы почти добрались до Янко и наверняка крыльями бы его забили и тело его расклевали, если бы конь вовремя его не унёс.

Король обрадовался, когда Янко в замок вернулся и птицу с собой принёс. Он щедро одарил Янко и Жар-птицу велел поместить в самый лучший зал на золотую жёрдочку и кормить золотой пшеницей.

С той минуты, как Янко вернулся, подлый тот слуга только и думал о том, как бы Янко навредить. Но Янко не обращал на него внимания и так же, как прежде, продолжал ухаживать за лошадьми.

Однажды прогуливался король по залу, где Жар-птица на жёрдочке сидела, и слуге, который там что-то делал — а слуга этот был недруг Янко,— говорит:

— Я думаю, что нет на свете ничего дороже, чем эта птица!

— Есть, ваша королевская милость! — отозвался слуга, радуясь, что ему представляется случай навредить Янко.

— Где есть? Что есть? — быстро спросил король.

— Рассказывал нам Янко, что на море Чёрном живёт дева морская, с которой никто красотой сравниться не может!

Задумался король над его словами и затосковал по прекрасной деве.

А слуга продолжал:

— Никто до сих пор не мог её изловить, а Янко хвастался, что смог бы!

— Ну, ладно. Позови-ка Янко! — велел король. Слуга тотчас же побежал за Янко, наперёд радуясь, что теперь-то от него избавится навсегда.

— Ты почему не сказал мне о морской деве? А теперь иди и раздобудь её. Не раздобудешь —

голова с плеч!

Янко хотел растолковать, что про морскую деву знать не знает, но король даже слова не дал ему вымолвить и выгнал его из горницы, приказав, чтобы немедленно в путь собирался.

Весь в слезах вошёл Янко в конюшню.

— О чём плачешь, Янко? — спрашивает его конь.

— Ах, конь мой дорогой, как же мне не плакать, коль посылает меня король за девою морскою, а если не добуду её — голова с плеч! — горевал Янко.

— Ну, не плачь. Нелёгкое это дело, но ты не бойся. Я помогу тебе. Но сперва проси у короля белый, золотом шитый шатёр, золотой столик и чтоб были на нём всякие драгоценности из золота и серебра. И ещё возьми с собой фуяру¹ пастушью и еды побольше. Когда всё это у тебя будет, мы отправимся в путь.

Пошёл Янко к королю, попросил шатёр, столик, драгоценности и еду, как велел ему конь. И король приказал, чтобы незамедлительно выдали ему то, что он просил.

Собрал он всё это, навьючил на коня, сам верхом вскочил, и, не теряя времени зря, отправились они в путь. Через горы, доли, пустыни бескрайние много дней ехали, пока не доехали до моря.

— Ну, вот мы и на месте, это и есть море Чёрное,— сказал конь, как только они неподалёку от берега морского остановились.— Сойди-ка на землю и слушай, что я тебе скажу. Сперва разбей на берегу шатёр, в шатёр поставь столик, на столик положи драгоценности, что взял с собой. Потом садись перед шатром и жди. Каждый день пополудни проплывает тут по морю в золотой лодочке дочь морского царя. Как увидишь её, заиграй на фуяре (Фуяра — пастушья дудка.— Прим. перев.), да так, чтобы она тебя услышала. Услышит она, подплывёт к берегу со своими подругами и станет спрашивать, кто ты есть и откуда. Скажи, что ты купец, что в шатре у тебя драгоценности, пригласи полюбоваться ими. Как станет она драгоценностями любоваться,— не зевай, хватай её за правую руку и зови меня.

Сказав это, конь отошёл в сторонку, а Янко отправился к самой воде. Там разбил он белый, золотом шитый шатёр, в шатёр поставил золотой столик, а на столике разложил разные дорогие украшения. Потом взял фуяру, сел перед шатром и так сидел, не спуская глаз с моря.

И вот около полудня видит: что-то далеко в море сверкает, словно золотая уточка плывёт. Но то была не уточка, а золотая лодочка, и сидела в ней дочь морского царя со своими подругами, которые гребли серебряными вёслами. Как только Янко увидел это, стал он на фуяре нежную мелодию наигрывать.

Услышала морская царевна и, желая узнать, кто это играет, повернула лодочку к берегу. И видит она Янко, сидящего перед золотом сверкающим шатром. Когда она к самому берегу подплыла, вышел Янко ей навстречу, низко поклонился и на вопросы её, кто он есть и куда едет, отвечал:

— Я купец из далёкой страны, девица-краса. Если хочешь, войди в мой шатёр и полюбуйся на товар. Есть у меня чудесные вещи, может, тебе какая и понравится,— завлекал её Янко ласковыми словами. Та не заставила себя долго уговаривать и вместе с подругами вошла в шатёр.

Обступили они золотой столик, и глаза у них разбежались от невиданной красоты. Янко не мешал им разглядывать украшения и только ждал удобного момента. И когда морская царевна повернулась к нему, спрашивая, сколько бы он хотел за весь свой товар, схватил её за правую руку, вместо ответа кликнул коня и, увидев, что он стоит рядом, взлетел в седло вместе с девицей и помчался прочь. Пока подружки опомнились да позвали морского царя, Янко с морской царевной уже скрылся за горами.

Неслыханно в замке удивились, когда Янко вернулся и морскую деву красоты невиданной с собой привёл. Король на радостях щедро Янко одарил за то, что тот ему такую красавицу-невесту привёз. Только Янко мало радовали милость королевская и дары. Куда больше королевского богатства он хотел бы получить морскую царевну. Да и она с той поры, как порог замка переступила, была невесела, не засмеялась ни разу, разговаривать даже не хотела и лишь грустно по замку ходила.

Печаль её очень короля огорчала, и не знал он, что предпринять, чтобы ей угодить, потому что хотя и был он стар, но в прекрасную девушку влюбился. Без неё не мог минуты пробыть и всё торопил её со свадьбой.

Однажды, когда он её снова стал спрашивать, когда же они свадьбу отпразднуют, ответила ему царевна морская:

— Не может у нас быть свадьбы, потому, что я молода, а ты стар!

— Это правда, но хотя я и стар, а любить тебя буду больше, чем молодой! — отвечал король, обиженный её словами.

Морская царевна покачала головой и сказала ему на это:

— Щёки мои как розы цветут, твою же голову снег покрывает. Розы и снег рядом не живут. Тебя, старика, я не полюблю!

— О горе! Что же мне делать, ведь стать молодым я не могу!

— Будь у тебя живая и мёртвая вода, ты бы мог стать молодым, — она ему в ответ.

В ту же минуту кликнул король слугу и наказал ему спросить у всех купцов про живую и мёртвую воду. Слуга, недруг Янко, ушёл, но тут же вернулся и доложил: ни живой, ни мёртвой воды нигде нет. Опечалился король, а слуга говорит:

— Пошлите Янко за нею.

Тотчас же велел король Янко позвать и, как только тот явился, приказал ему принести живой и мёртвой воды.

— А ежели через три дня не принесёшь, велю изрубить тебя на куски!

Несчастный Янко — что он мог на это сказать! Убитый горем, пошёл он на конюшню.

— Ну, Янко, о чём опять горюешь, что случилось? — спрашивает его конь.

— Эх, конь мой милый, как же мне не сокрушаться, коль посылает меня король за живой и мёртвой водой. Если не принесу, велит меня на куски изрубить.

— Ну, не страшись, я тебе помогу. Но сперва потребуй у короля два маленьких пузырька для

воды, да такие лёгкие, чтобы птица могла их унести. Когда король тебе их даст, запасись едой, и отправимся мы в путь.

Обрадованный Янко воротился к королю и попросил два пузырька, такие лёгкие, чтобы птица могла их унести. И велел тогда король немедленно изготовить их из бычьего пузыря и отдать Янко. С пузырьками и запасом еды сел Янко на коня, и тот помчал его как ветер и неся так, пока не подъехали они к дремучему лесу. Там остановились, конь велел Янко сойти. Сошёл тот, и тогда говорит ему конь:

— Спрячься здесь, вон за тем буком, а я повалюсь на землю и прикинусь мёртвым. Вскоре прилетят вороны и захотят меня клевать. Вон они уже сидят на дереве, со своими птенцами. Как только они на меня усядутся, не зевай, хватай птенца. Старики перепугаются, станут просить, чтобы ты отпустил его, ты же не отпускай, а скажи, что убьёшь его, если не принесут они тебе живую и мёртвую воду. Отдай им пузырьки, а воронёнка придержи у себя.

Спрятался Янко за бук, а конь повалился на землю и притворился мёртвым. Вскоре слетели вороны вниз и уселись на коня, приняв его за падаль. Тут Янко подкрался из-за бука и накрыл воронёнка шапкой.

— Ах, добрый человек, не убивай нашего малыша, мы тебе за это добром отплатим! — стали умолять старые вороны.

— Только тогда отпущу я вашего птенца, когда принесёте вы мне живой и мёртвой воды!

— Принесём! Принесём! — воскликнули старые вороны в один голос.

Янко дал каждому из них по пузырьку, вороны взлетели и в мгновение ока скрылись с глаз.

После того как вороны улетели, конь встал. Янко крепко держал воронёнка и с нетерпением ждал возвращения воронов. Прошёл день, минула ночь, а на другой день утром летят два ворона — и прямо под бук к Янко, у каждого пузырёк в клюве. Взял у них Янко пузырьки, но по совету коня, прежде чем отпустить воронёнка, разорвал его на части, потом окропил его сперва мёртвой, а затем живой водою и только после этого отпустил. Затрепетал воронёнок крыльями и, бодрый и здоровый, улетел вместе со своими родителями.

Убедившись таким образом, что его не обманули, сел Янко на коня, и тот словно ветер помчал его домой.

Они успели вовремя. Янко завёл коня в конюшню, погладил его, поцеловал в шею, как это всегда делал в благодарность за верность, и после этого отправился к королю, который с нетерпением его ждал. Янко отдал королю пузырьки с водою, а король передал их морской царевне.

Она одной рукой взяла пузырьки, другой сняла со стены меч и, подавая его Янко, говорит:

— Ну, король, стань на колени, и пусть тебе Янко отрубит голову, потом я её этой водою омою — и ты станешь молодым и красивым.

Испугался тех слов король, и не захотел он позволить, чтобы ему отрубили голову. И тогда сказала морская дева:

— Чтобы ты поверил, пусть Янко тогда станет на колени, и голову ему отрубишь ты!

На это король согласился. Янко без страха стал на колени, и король отрубил ему голову. Но морская царевна взяла голову, сперва мёртвой водой омыла, на место поставила, потом омыла живой водой — и Янко вскочил, ещё более красивый, чем прежде, и лишь золотая полоска осталась у него вокруг шеи. Увидел это король, и всякий страх у него пропал, стал он на колени и сам подал меч Янко, чтобы тот ему голову отрубил. Заколебался Янко, но, коль дева ему велела, взял меч и голову королю отрубил. Морская царевна подала ему мёртвую воду, чтобы он голову омыл и на место её поставил, а живую воду выкинула в окно. Король остался мёртвым.

Морская царевна тут же созвала всех придворных и, когда все собрались, указывая на Янко, сказала:

— Он мой жених и ваш король!

И все стали ликовать и радоваться тому, что у них такие красивые король и королева. Увидев, что Янко стал королём, коварный слуга радоваться этому не стал и в замке не задержался.

Первым делом Янко-король отправился к коню, но того нигде не было — исчез конь. Красавица царевна стала женой Янко, а когда потом и стариков родителей они к себе забрали, оказалось, что у них есть всё для полного счастья.

СОЛЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

У одного короля было три дочери, которых он берёт пуще глаза.

Когда иней седины стал покрывать его голову и не владел он уже больше руками и ногами, как бывало, часто стала ему приходиться думать о том, которая из дочерей после него королевой должна стать.

Очень это его заботило, потому что любил он всех трёх. Наконец его осенило — оставить королевой ту, которая любит его больше всех. Он тут же позвал дочерей к себе и сказал им так:

— Дочери мои! Вы видите, я стар и не знаю, как долго ещё буду с вами. Надо мне решить, кто из вас после смерти моей будет королевой. Но прежде хотел бы я, дети мои, узнать, как меня любит каждая из вас. Так скажи же, старшая моя дочь, первой: как ты любишь своего отца? — спросил король, обращаясь к самой старшей из дочерей.

— Ох, отец мой, ты мне дороже золота! — ответила дочь и почтительно поцеловала отцовскую руку.

— Ну, хорошо, а ты, дочь средняя, как ты своего отца любишь? — обратился он к средней дочери.

— Ой, отец мой дорогой, я вас люблю, как свой девичий венок! — заверила средняя дочь отца, прильнув к нему.

— Ну, ладно. А ты, дочка младшая, как ты меня любишь? — спрашивает король у младшей, которую звали Марушка.

— Я, батюшка, люблю вас, как соль! — ответила Марушка и нежно поглядела на отца.

— Ах ты негодница, отца любишь не более чем соль? — закричали на неё старшие сестры.

— Как соль! — подтвердила Марушка вполне серьёзно и ещё нежнее на отца поглядела.

Очень король на дочь рассердился: мол, только-то и любит она его, как соль, предмет самый обычный, что у всякого есть и который может иметь каждый, соль, на которую никто и внимания-то не обращает.

— Уходи! Уходи с моих глаз, коль ты любишь меня не более, чем соль! — закричал король на Марушку и добавил: — Когда настанут времена, что для людей соль будет дороже золота и драгоценных камней, дай о себе знать — станешь королевой!

Король думал, что этого никогда не случится. Марушка же, привыкшая к послушанию, после таких отцовских слов ушла из замка со слезами на глазах и скорбью в сердце. Горько ей было от того, что отец прогнал её, не поняв, что любит она его не меньше, чем сестры.

Не зная, в какую сторону идти, пошла, куда дул ветер — через горы и доли, пока не забрела в дремучий лес. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка на её пути. Как она тут очутилась — неведомо. Марушка вежливо и приветливо поздоровалась с нею, старушка ответила ей, но, заметив, что у девушки глаза заплаканы, и спрашивает, о чём она плачет.

— Ах, бабушка, зачем я вам буду про это рассказывать, если вы мне помочь не можете!— ответила Марушка.

— Ну, ты мне всё же расскажи, девонька, может, я какой-нибудь совет смогу тебе дать: седая голова советов полна,— говорит ей бабушка.

И тогда Марушка рассказала всё как было, а под конец добавила, что не хочет быть королевой, хочет только, чтобы отец убедился, что она его действительно любит. Бабушка поверила Марушке, она наперёд знала, что Марушка ей расскажет, потому что была она мудрая вещунья. Привела она Марушку в свой лесной домик, сперва накормила и напоила её, что для Марушки было очень кстати, потому что она проголодалась и хотела пить.

Когда напилась она и наелась, спрашивает её старушка:

— А овец пасти ты умеешь? А доить? А пряжу прясть и полотно ткать?

— Не умею,— говорит Марушка,— но, если вы меня научите, как это надо делать, я буду стараться делать всё хорошо.

— Ладно, всему я тебя научу, только ты меня слушайся, что бы я тебе ни сказала. Придёт время — и тебе это пригодится.

Так сказала Марушке мудрая женщина. Марушка обещала, что будет её слушаться, и тут же взялась за работу — была она девушка работящая и послушная.

Марушка служила у вещуньи, а сестры её тем временем только и знали, что развлекались. Они беспрестанно ласкались и льнули к отцу, но каждый день требовали от него то одно, то другое. Старшая целыми днями в дорогие платья наряжалась да золотом себя украшала, средняя балами и танцами развлекалась, званые трапезы следовали чередой, одно удовольствие сменялось другим.

Вскоре отец увидел, что для старшей дочери золото дороже отца, а когда средняя объявила ему, что хотела бы выйти замуж, тут он понял, что веночек её зелёный не так уж ей и дорог. Часто он при этом вспоминал Марушку, вспоминал, как она любила его, заботилась о нём, и

думал о том, что с радостью сделал бы её королевой. В такие минуты он охотно бы послал за нею, если б знал, где она, только не было о ней ни слуху, ни духу. Однако, когда он вспоминал, что любила она его всего лишь как соль, в нём тут же всё восставало против неё.

Однажды должен был состояться очередной званый обед со множеством гостей. Вдруг к королю прибегает испуганный повар.

— Пан король, у нас большая неприятность! — запричитал он.— Размокла вся соль. Чем я буду солить?

— А разве нельзя послать за другой? — отвечает ему на это король.

— Ах, мой повелитель, к тому времени, когда с солью из другой страны вернутся, будет уже поздно. Чем же мне всё это время солить?

— Соли в таком случае чем-нибудь другим! — говорит король.

— Но, пан король, что же ещё солит так, как соль? — опять спрашивает повар.

Король не знал, что на это сказать, ибо он никогда не задумывался над тем, что прожить без соли человеку трудно. Разгневался король и выгнал повара, приказав ему готовить без соли.

«Как мне велено, так я и сделаю!» — решил повар и стал готовить еду без соли.

Станным был этот званый несолёный обед! Гостям всё показалось невкусным, хотя блюда были красиво и умело приготовлены. Король был очень раздосадован.

И разослали повсюду гонцов за солью, но все они вернулись ни с чем, объясняя королю, что все запасы соли растаяли, что повсюду нехватка соли, а у кого она есть, тот не даёт, даже если за щепотку золотом платить. Послали обоз за солью в другую страну, а до тех пор, пока он не вернётся, король велел повару готовить такие кушанья, которые не требуют соли. Повар решил: «Как велят, так и сделаю». Стал он готовить сладкие кушанья и такие, где можно было обойтись без соли. Но и эти обеды пришлись гостям не по вкусу. Поняв, что иного не будет, один за другим они стали короля покидать. Очень это огорчало дочерей, но делать было нечего, король не мог больше приглашать гостей, потому что даже хлебом-солью не мог их встречать, когда они к нему жаловали. Каждый день к столу подавались несолёные кушанья, у людей пропадал всякий аппетит, и все только о соли и мечтали.

Страдал скот, коровы и овцы давали мало молока, потому что им не хватало соли. Бедствовали все. Люди ходили вялые, их одолевали болезни. Заболел король, заболели его дочери. Соль так вздорожала, что не было ей цены.

Понял тут король, какой великий дар — соль, которую он ни во что не ставил, заговорила в нём совесть, и осознал он, что напрасно Марушку обидел.

Между тем Марушке в лесном домике жилось хорошо. Ничего ей не было известно про то, как живут отец и сестры, но мудрая старушка обо всём хорошо знала.

В один прекрасный день говорит она Марушке:

— Девочка моя, обещала я тебе, что придёт время — и правда увидит свет. Настал твой час, самая пора тебе вернуться домой.

— Ах, бабушка моя добрая, как же я вернусь домой, когда отец меня видеть не хочет? — говорит ей Марушка, а сама плачет. Тут вещунья рассказала ей про всё, что дома делается, а поскольку соль стала дороже золота и драгоценных камней, Марушка может дать знать отцу о себе. С сожалением покидала Марушка мудрую женщину, которая полюбила её и многому научила, но по отцу она тоже тосковала.

— Ты честно мне служила, Марушка,— сказала под конец ей старушка,— за это я хочу тебе добром отплатить. Ты только скажи, чего хочешь.

- Вы помогали мне добрыми советами и заботились обо мне, бабушка. Ничего мне не надо, только горстку бы соли, чтобы отнести отцу то, что заработала.

— И больше ничего не хочешь? Я ведь могу выполнить любое твоё желание,— переспросила её мудрая женщина.

— Ничего не хочу, кроме соли,— отвечала Марушка.

— Ну, коль ты так ценишь соль, пусть у тебя никогда не будет в ней недостатка. Гляди: вот тебе прутик. Когда подует первый ветер с юга, иди следом за ним, как пройдёшь через три долины, через три вершины,— остановись и хлестни этим прутиком по земле. Где хлестнёшь, там земля расступится, а ты иди вглубь. Что найдёшь там, то будет твоим приданым.

Марушка взяла прутик, спрятала его, а старушку сердечно поблагодарила. Подала ей старушка котомку соли, и Марушка собралась в путь. Слезы застилали ей глаза, когда прощалась она с лесным домиком и доброй бабушкой, которая проводила её через лес. Утешала себя Марушка тем, что она ещё сюда вернётся и возьмёт бабушку с собой в замок. На это старушка только улыбалась.

— Оставайся доброй и честной, доченька, и весь твой век тебе будет хорошо,— сказала мудрая женщина, когда вывела Марушку на окраину леса.

Марушка хотела бабушку поблагодарить, но той уже не было, исчезла.

Удивилась этому Марушка, пожалела, что так получилось, но тоска по отцу не позволила ей долго мешкать, и она поспешила к дому. Было на ней простое платье, голова платком закутана, поэтому в замке никто её не узнал, и к королю пускать её не хотели, говоря, что он болен.

— Да пустите же вы меня,— упрашивала их Марушка,— я несу королю такой подарок, что дороже серебра и золота, от него он наверняка вылечится.

Доложили королю, и он приказал, чтобы её к нему пустили. Когда пришла она, то попросила дать ей хлеба. Король велел принести хлеб.

— Только соли у нас нет,— сказал он.

— Соль есть у меня! — ответила Марушка, отрезала ломоть, полезла в котомку, посолила хлеб и подала королю вместе с котомкой.

— Соль! — обрадовался король.— Ах, девочка, это же драгоценный подарок! Чем же мне тебя за него отблагодарить? Проси всё, что хочешь, и получишь.

— Ничего я не прошу, батюшка, только любите меня, как эту соль! — ответила Марушка своим голосом и открыла лицо. Король увидел Марушку и чуть было не лишился чувств, стал просить

у дочери прощения, а та ласкала его и ни в чём не упрекала.

По замку и по городу моментально разнеслась весть о том, что младшая дочь короля вернулась и принесла соль. Все этому обрадовались. Старшие сестры радовались не так возвращению младшей, как соли, но понимали, что поступили с нею плохо. А Марушка ничего им не припоминала и была счастлива, что помогла отцу и остальным. Каждому, кто бы ни пришёл, давала она немножко соли, а когда отец, опасаясь, что соль кончится, напоминал ей, чтобы всю не раздавала, она всякий раз отвечала:

— Тут её ещё много!

И в самом деле: из котомки взято было уже много соли, а она всё не убывала.

С короля болезнь как рукой сняло. Дочь такую радость ему доставила, что он тут же собрал совет, назначил Марушку королевой, и весь народ его решение одобрил. В тот же миг, когда Марушку королевой объявили, почувствовала она, как тёплый ветер повеял ей в лицо. Дул этот ветер с юга.

Вспомнила она про то, что ей старушка говорила, поведала о том отцу, взяла прутик и, не теряя времени, отправилась в путь. Шла она, куда ветер дул, как было ей велено, а когда миновала три долины и три вершины, остановилась и прутиком по земле хлестнула. Едва она это сделала, расступилась земля и Марушка прямо в расщелину и вошла.

Идёт она — и вдруг перед нею огромный зал, весь словно изо льда, а по стенам галереи, а из них выбегают маленькие гномики с горящими лучинами и радостно встречают Марушку.

— Здравствуй, королева, здравствуй, королева, мы уже тебя ждём. Наша хозяйка приказала, чтобы мы тебя сопровождали и всё показали, потому что всё это твоё!

Так они тараторили, прыгали вокруг неё, лучинами размахивали, карабкались по стенам вверх, словно мухи, а стены от света огней сверкали, словно драгоценные камни. Марушка была удивлена и ослеплена этой красотой. Гномы водили её по галереям, в которых с потолка свисали ледяные сосульки, блестящие, как серебро, привели в сад, где цвели розы из красного льда и удивительной красоты цветы. Одну такую розу они сорвали и преподнесли королеве, она понюхала цветок, но запаха не почувствовала.

— Что это? — спросила королева. — Я такой красоты ещё никогда не встречала!

— Это всё — соль, — отвечали гномики.

— Неужто? В самом деле? А разве соль может расти? — удивилась королева и подумала, что жаль будет брать такую соль. Но, угадав её мысли, гномики сказали, чтобы она не опасалась и брала соли сколько надо, потому что если даже она будет брать её непрерывно, то и тогда всю её забрать не сможет. Марушка искренне от души гномиков поблагодарила и вышла на поверхность, но земля за нею не сомкнулась.

Когда она вернулась домой, показала отцу розу и обо всём, что видела и слышала, ему поведала, увидел тут отец, что старушка одарила её приданым куда более богатым, чем он мог бы ей когда-либо дать. Марушка о бабушке не забыла и, как собиралась раньше, велела запрячь роскошную карету и вместе с отцом поехала за старушкой, чтобы за великую её доброту взять её к себе в замок. Но хотя Марушка хорошо знала дорогу к лесному домику, найти его не смогла. Весь лес они вдоль и поперёк исходили, искали домик, словно маковое зёрнышко, но и следа его не нашли, а о старушке не было ни слуху, ни духу. Только теперь

догадалась Марушка, что за бабушка это была. Соль в котомке подошла к концу, но Марушка знала, где она растёт, и сколько бы её ни брать, всё равно всю взять невозможно.

Сестры счастью её завидовали, от злости готовы были лопнуть, но ничего с нею поделаться не могли. Отец в своей Марушке души не чаял, все её любили и были ей благодарны. Она же всегда оставалась такой же скромной и доброй, как и прежде, и до самой смерти про бабушку не забывала.

МУДРЫЙ ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Радошу было восемнадцать лет, когда у него умерли родители. Ему ничего не оставалось делать, как идти служить. И он подумал: «Коль уж надо служить, так пойду я в большой город и поступлю на службу там, что-нибудь да сумею же я делать».

Собрал свои вещи и пошёл. У самого города повстречались ему Мудрость и Разум. С того якобы времени стал он мудрый и разумный, словно в высших школах был учён. За что бы ни брался, всё у него получалось.

Ходит Радош по красивым улицам — и вдруг на глаза ему попадает богатая, сверкающая драгоценностями лавка золотых дел мастера, а в ней сидят занятые делом подмастерья. Очень ему всё это понравилось, и он решил учиться на ювелира. Не раздумывая, вошёл он в мастерскую, почтительно поздоровался с мастером и попросил принять его учеником.

— Да как же я тебя приму, староват ты уже для ученика,— стал возражать мастер.— Пока выучишься, будет тебе, ни много ни мало, двадцать шесть. За учёбу платить, конечно же, нечем?

— Конечно же, пан мастер, денег у меня нет никаких, чтобы за учёбу платить. Но, поверьте, вы останетесь мною довольны, я и минутки у вас не потрачу зря,— отвечал Радош.

— Ну, оставайся,— сказал мастер и показал ему, куда поставить вещи и где он спать будет.

Как только Радош обо всём договорился, он тут же принялся за работу, которую ему дали. Другие подмастерья сперва смеялись над его неумелостью, но вскоре приумолкли. За что бы Радош ни брался, всё у него получалось, а на то, чему другие учились два года, ему требовалась неделя. Через две недели он уже делал кольца, серьги, браслеты так красиво, что любо-дорого смотреть.

— Не знаю, что и думать о Радоше,— говорит мастер своей жене,— то ли он был всему этому уже учён и водит меня за нос, то ли родился под счастливой звездой.

— Нет, о том, что он тебя обманывает, ты даже и не думай, вот уж кто поистине олицетворение самой правды, так это он! — защищала ученика жена мастера. Радош и ей помогал.

За четыре недели обучение было закончено, и мастер Радоша очень ценил. Однажды отправился Радош с мастером в город прогуляться. Город был большой, в нём жил король. Вдруг Радош увидел на воротах череп, на пику насаженный. Спрашивает у мастера, что это должно означать. И стал мастер ему рассказывать такую историю: «Есть у нашего короля одна-единственная дочь, красоты, какой поискать надо. Только с двенадцати лет она перестала говорить. Почему она молчит вот уже долгое время, никто определить не может. Сколько тут перебивало врачей и всяких мужей учёных, но никто из них не смог её исцелить. Она читает, ездит верхом, гуляет, отменно рукодельничает, но, чем бы она ни занималась, всё делает молча. Три года назад в этих местах объявилась мудрая вещунья, которая сказала, что

принцесса Либена заколдована, и чары будут держать её в своей власти до тех пор, пока не явится молодец, который вернёт ей речь. И тогда король велел объявить: тот, кто вернёт речь его дочери, получит её в жёны, будь он простолюдин или человек знатный, всё равно. Сразу же явились всякие люди, которые обращались к королю и принцессе, надоедали, но вылечить её не могли. Всё это короля огорчало, а принцессу ещё больше, и потому удалилась она в свои покои и даже выходить из них не хотела. И тогда король объявил, что каждый, кто пообещает принцессу исцелить и не сделает этого в течение трёх дней, лишится головы. Суета прекратилась, однако спустя некоторое время приехал молодой пан весьма приятной внешности. Король разрешил ему попытаться исцелить принцессу. Говорят, что он три дня стоял перед Либеной на коленях и непрерывно умолял её сказать хоть одно-единственное слово, но она даже бровью не повела, и тогда на третий день он лишился головы, которую выставили здесь для устрашения. С той поры никто не берётся её разговорить, и вот уже идёт пятый год, как принцесса слова не промолвила».

Очень этому Радош удивился, и жалко ему стало прекрасную Либену. Он уже провёл год у своего мастера, который берёт его пуще глаза и даже вёл разговор с женою насчёт того, чтобы Радоша усыновить, поскольку детей у них нет.

Однажды явился к мастеру придворный короля, чтобы заказать драгоценности для принцессы. Должны были они быть красоты доселе невиданной, да к тому же из самых дорогих камней. Мастер пообещал, а только посланец короля ушёл, стал чесать в затылке, не представляя себе, как он выйдет из положения, кому доверить эту работу.

— Что стряслось у вас, пан мастер, отчего вы такой грустный? — спрашивает его Радош. Мастер поделился с ним своим горем.

— Не печальтесь, пан мастер, эту работу я беру на себя, король останется доволен мною.

— И ты думаешь, Радош, что сможешь выполнить работу, которую даже я делать не решаюсь? Как могу я дать тебе столько золота и драгоценностей, а вдруг ты испортишь?

— Тогда дайте мне что-нибудь на пробу, а если понравится, потом и остальное дадите.

Мастер был доволен ответом, дал золота и камень, и Радош тотчас же принялся за дело. До чего же был удивлён старый ювелир, когда Радош принёс ему готовый перстень! Равного ему не было во всей лавке. С радостью дал мастер золота и бриллиантов сколько было нужно, чтобы и остальное он сделал так же хорошо. Радош приложил всё старание, на какое только был способен, и сделал украшения и серебряный ларец. Уложил в него аккуратно драгоценности, отнёс мастеру.

Когда мастер увидел это, он горячо обнял Радоша и сказал:

— Ну, мальчик мой, отныне мастер ты, я тебе больше указывать не могу, ибо ты меня намного превзошёл.

Это была такая работа, какую мало кто сумел бы выполнить. Неизвестно, чем прежде нужно было восхищаться — то ли королевской диадемой, то ли ожерельем, или же сверкающими серьгами, браслетами и другими изделиями. Нити были — будто их паук пряд, а листья и цветы — как живые.

— Сынок, чем я тебе за это должен отплатить? — спрашивал счастливый мастер своего подмастерья.

— Ничем. Позвольте только, если смею об этом просить, мне самому это королю отнести.

Мастер охотно согласился, и Радош отправился в королевский замок. Когда доложили, что королю несут заказанные украшения, Радош тут же был допущен к нему, низко поклонился и подал серебряный ларец. Едва король крышку ларца приоткрыл, лицо его засияло от удовольствия.

— Не скажешь ли ты мне, молодой человек, кто эту работу выполнил? — спросил король приветливо.

— Я, милостивый король! — отвечал Радош.

— Ай да молодец! Стало быть, это ты тот искусный умелец, какого доселе мне не приходилось знать. Если я могу явить тебе какую-либо милость,— проси! — предложил король Радошу, который от счастья чуть не плакал.

— Милостивый король! Слышал я, что к принцессе будет допущен каждый, кто хочет попробовать вернуть ей речь. Я тоже хотел бы попытаться сделать это, а потому прошу вашу королевскую милость позволить мне к ней пройти!

Так просил Радош короля, со страхом ожидая ответа.

— Разумеется, юноша, идти к ней и попытаться исцелить её ты можешь, только жаль мне будет, если это тебе не удастся. Ведь ты сам знаешь, что потом тебя ждёт.

— Знаю, милостивый король, и с радостью приму смерть, если не сумею её исцелить.

Король позвал одного из своих придворных, велел провести Радоша в покои к принцессе и оставить их наедине. Придворный, однако, понял тайный знак, согласно которому он должен был подслушать, что там будет происходить. Придворный повёл Радоша через множество комнат, пока не дошли они до зала, в котором всё было словно в раю: цветы, деревья, стены, затянутые шёлком, золото, серебро, ковры — чего только там не было! Солнечный свет лился сквозь разноцветные стёкла окон и отбрасывал пёстрые тени на мраморный пол. В передней части зала с потолка свисали тяжёлые занавеси. Придворный слегка раздвинул их и подал знак, чтобы Радош вошёл.

Небольшая комнатка была так прекрасно, удобно и мило обставлена, что всякий, кто туда входил, чувствовал себя очень уютно. Но самым прекрасным в ней была принцесса Либена. Она сидела у окна и вышивала золотом. Ничего не изменилось на её прелестном личике, когда вошёл Радош, она даже бровью не повела и казалась безжизненной, как портрет, что висел на стене в золотой раме, где она была изображена ещё совсем маленькой. Глядя на принцессу ясными глазами, Радош поклонился, стал перед портретом и произнёс:

— Реши ты, прекрасный портрет, исход жестокой схватки, которая идёт в этом замке: резчик изваял девушку, портной сшил для неё платье, а тот, кто учит говорить, дал ей речь. Кому же девушка должна принадлежать?

— Кому же ещё, как не тому, кто дал ей речь? — произнесла принцесса тихо и продолжала шить.

Радош поклонился и вышел из комнаты, но завистник придворный сообщил королю, что принцесса ни словом не обмолвилась, и Радош должен был остаться в замке, где, впрочем, ему было неплохо. Мастер не знал, что и думать, когда королевский слуга принёс ему деньги за

драгоценности и сообщил, что подмастерье вернётся лишь на третий день.

На другой день Радоша опять привели в комнатку принцессы, и он, как накануне, стал перед портретом и спросил его:

— Реши ты, прекрасный портрет, исход жестокой схватки, которая идёт в этом замке: резчик изваял девушку, портной сшил для неё платье, а тот, кто учит говорить, дал ей речь. Кому же девушка должна принадлежать?

— Я тебе вчера сказала, что она должна принадлежать тому, кто дал ей речь,— снова ответила принцесса.

Придворный, что подслушивал, опасался, как бы Радош не стал королём, и опять сказал, что принцесса слова не промолвила. Радоша опять задержали в замке. Но на следующий день король отправился слушать сам. Радош вошёл в комнатку и вновь обратился к портрету:

— Реши ты, прекрасный портрет, исход жестокой схватки, которая идёт в этом замке: резчик изваял девушку, портной сшил для неё платье, а тот, кто учит говорить, дал ей речь. Кому же девушка должна принадлежать?

— Я уже дважды тебе сказала, что тому, кто дал ей речь, тебе разве этого мало? — сказала Либена и поднялась от столика. Тут король вбежал в комнатку и со слезами на глазах стал дочь целовать. Потом взял Радоша за руку и сказал:

— Юноша, ты сделал меня счастливым отцом и вернул мне самую большую радость! Стань же моим сыном и королём, поскольку я признаю, что ты мудрее, чем кто бы то ни было.

— Мой всемилостивейший повелитель,— отвечал Радош,— как я могу быть королём, ведь я неименитого рода, я не знаю, как себя вести при дворе, да и прекрасная принцесса едва ли захочет, чтобы я стал её мужем.

— Своей мудростью ты меня от злых чар освободил, и никого, кроме тебя, я в мужа не хочу! — сказала Либена и подала Радошу руку, которую он горячо поцеловал.

Тотчас же в городе стало известно, что принцесса исцелена и что исцелитель её — простой подмастерье ювелира. Тут старый мастер поспешил в замок, чтобы убедиться, так ли это, а когда Радош с удовольствием представил его королю как своего дорого учителя, старик в душе благодарил судьбу, что она ему такого ученика послала.

Вскоре сыграли свадьбу, и королевская невеста надела все драгоценности, которые её жених собственными руками сделал. Радош правил мудро, как ни один король до него. Было у них несколько сыновей, каждый в молодости должен был чему-нибудь учиться, и никто из них не получал титула незаслуженно. Осенили их также Мудрость и Разум или нет — про это никому не известно.

ПРО ТРЁХ ЗАКОЛДОВАННЫХ КНЯЗЕЙ

Когда-то в давние времена жил один дворянин, богатый, но страшный транжира. Играть в кости, пировать, охотиться — были его самые любимые занятия и в будни и в праздники. Когда таким образом он всё своё состояние промотал, то переселился из города в старый замок и стал там очень скромно жить со своей семьёй.

У него была жена и три дочери, девушки красивые, послушные, уже невесты. Стоило ему стать

бедным горемыкой, как друзья его оставили, и жил он, покинутый всеми, в старом замке.

Единственной утехой для него осталась охота.

Однажды, как обычно, пошёл он охотиться и забрёл в глубь леса. Долго ему ничего не попадалось, наконец дорогу перебежал заяц. Охотник быстро вскинул ружьё, выстрелил — и заяц упал. Только он кинулся к зайцу, как вдруг из чащобы выскочил огромный медведь. Встал на задние лапы и грозно заревел.

— Как посмел ты моего подданного убить? Сейчас я тебя за это съем — или отдавай мне свою старшую дочь в жёны! — прорычал медведь. Испугался дворянин, что медведь его разорвёт. Что оставалось делать? Волей-неволей пришлось сказать, что отдаст.

— Через семь недель я за нею приду! — проворчал медведь и, ломая валежник, трещавший под его лапами, удалился.

От страха кровь застыла в жилах дворянина. Он опомнился и пришёл в себя только после того, как медведь скрылся. Но вспомнил про обещание, которое он дал медведю о дочери — и слёзы затуманили его глаза!

Опечаленный, шёл он домой, но еще более опечаленным вошёл в комнату. А когда старшая дочь спросила его, как ему охотилось, и стала брать у него из рук зайца, не мог он от слёз удержаться. Жена, дочери окружили его, принялись расспрашивать, что случилось, почему он такой печальный, просили рассказать, в чём дело. Как ни старался он подольше их не огорчать, но вынужден был поведать о том, что с ним приключилось.

— Несчастливым был час твоего рождения, а мой тем более, — сказал он, — потому что я тебя медведю в жёны отдать пообещал, и через семь недель он за тобою придёт.

Мать, дочери стали плакать и рыдать, и лишь старшая, помолчав, сказала отцу:

— Не печальтесь, милый батюшка, за вашу жизнь я с радостью своё счастье отдам, коль уж так суждено!

Понятно, что нелегко было у неё на сердце, когда она про медведя вспоминала, но ей не хотелось ещё больше огорчать отца.

Со страхом все ждали седьмую неделю, а отец только о том и думал, как бы дочку свою уберечь. Созвал он соседей и всех своих знакомых и просил, чтобы приехали они на свадьбу. Никто ему не отказал. В назначенный день в замок съехалось множество гостей и среди них немало смелых парней, все при оружии, как просил их о том старый дворянин. Когда все собрались, поведал он им о своём горе и просил помочь ему сладить с медведем. Гости согласились, каждый из них готов был прекрасную девицу избавить от чудища лесного.

Но жених не появлялся. Солнце уже за полдень перевалило, а о нём ни слуху ни духу. Вдруг послышалась нежная мелодия, звучала она тихо, словно доносилась откуда-то из-под земли, но с каждой минутой становилась нежнее и громче, звучала всё ближе. Вдруг от топота конских копыт задрожала земля. Из лесу выехала длинная вереница карет, сверкая золотом на солнце, и остановилась во дворе. Шестёрка резвых коней, запряжённых в самую богатую карету, стала как вкопанная, из кареты выскочил юный красавец князь, осыпанный золотом и драгоценностями, словно луг перед покосом — цветами. Вслед за ним из карет высыпала свита и последовала за князем в замок. Все взоры обратились на вновь прибывших, и прежде всего на князя, краше которого среди гостей не было. Его почтительно приветствовали, кланялись

ему, а он, раскланиваясь на все стороны, поспешал к старому дворянину и прямо спросил, не отдаст ли он ему в жёны старшую дочь.

— Отдал бы я вам её, прекрасный князь, с превеликой радостью, да обещал уже медведю, который вот-вот должен за нею прийти,— извиняясь, отвечал дворянин.

— Что нам за дело до медведя! — улыбнулся князь.— Медведь пусть берёт себе в жёны медведицу, а девицу-красу отдайте молодому князю, который будет её любить!

Старый дворянин без труда поддался на уговоры и согласился отдать дочь, если только ей князь понравится. Дочь ничего против не имела, князь ей понравился сразу.

Вот так и получилась из свадьбы медвежьей свадьба княжеская.

Князь тут же велел выгрузить из кареты сундук с золотом, который он привёз старому дворянину в дар. Повенчали молодых да и пир устроили.

Ну и весёлая же это была свадьба! Играла музыка, гости пели и беззаботно веселились. Весёлая была свадьба, да только короткая. Очень скоро князь велел запрягать лошадей, со всеми любезно попрощался, молодую жену в свою самую богатую карету посадил, и из ворот замка к лесу с громом покатила вереница карет — только искры из-под копыт летели.

Старый дворянин в страхе стал ждать медведя, но медведь не пришёл. Поскольку у дворянина снова появилось много денег, стал он жить как раньше: устраивал пиры, играл в кости, ходил на охоту, разъезжал по гостям. Деньги таяли на глазах. Все опять его любили и готовы были на руках носить, только наученная горьким опытом жена укоряла его, но всё было напрасно, дворянин не успокоился, пока все деньги не промотал. Друзья опять покинули его, опять он остался один с семьёй.

Однажды взял он ружьё и по привычке отправился в лес. Никакого зверя ему и на глаза не попало, лишь высоко в небе кружил ястреб. И тогда прицелился в него дворянин, выстрелил. Упал ястреб к его ногам. Но едва ястреб коснулся земли, загудел лес, словно буря в нём бушевала, и, как вихрь, закружил над головою дворянина огромный орёл.

— Как ты посмел моего подданного застрелить? — закричал на него орёл.— Я тебя растерзаю за это — или отдай мне в жёны свою среднюю дочь! Выбирай что хочешь!

Орлиный клюв щёлкал над ним, как большие кузнечные клещи, а когти готовы были вцепиться в него.

Выбора не было, и пришлось пообещать орлу свою среднюю дочь.

— Через семь недель я за нею прилечу! — радостно закричал орёл и, вихрем взмыв в небо, исчез где-то за горами.

Грустный, опечаленный возвращался дворянин домой, упрекал себя, что вторую дочь запродавал. Но что случилось, то случилось, и ничего изменить уже было нельзя.

Дома сразу же заметили, что у отца какая-то неприятность случилась, но, как ни приставали к нему с расспросами, он не хотел говорить. Однако в конце концов не выдержал и всё рассказал. Мать стала причитать, а средняя дочь утешала родителей:-

— Ах, родные вы мои, не печальтесь, да я с радостью выйду за орла, царя птиц, коль уж судьба

моя такая. Может, мне и хорошо будет.

Коль уж так случилось, родители утешились хотя бы тем, что дочь не впала в отчаяние. Только грустно им было. Через семь недель предстояла свадьба, и старый дворянин с женою ничего не пожалели из того, что было в доме, чтобы устроить торжество. Старый дворянин подумал, что, когда орёл явится, вооружённые гости легко его спровадят и невесту ему не отдадут.

Уже наступил последний день седьмой недели. Все с нетерпением ждали, что будет. Молодые гости зарядили ружья и приготовились встретить орла. Невеста, хоть и держалась спокойно, всё же была печальна. А об орле ни слуху ни духу!

Когда солнце уже стало клониться к закату, где-то далеко послышалась нежная мелодия, и чем ближе она раздавалась, тем прекраснее и нежнее звучала.

Приумолкли гости, слушали в ожидании. Вдруг загудела земля под конскими копытами, и вереница раззолоченных карет выехала из лесу. Ахнуть никто не успел, как гости были уже во дворе.

Первая карета была самая роскошная, в ней сидел молодой князь, одеяние его сверкало золотом и драгоценными камнями, словно небо, усыпанное звёздами.

Едва кони стали, князь первым выскочил из кареты, а за ним — его свита. Хоть все были в дорогих одеждах, но красота и роскошь княжеского одеяния вызывали восхищение. Князь направился прямо к старому дворянину, поклонился ему и без лишних слов попросил, чтобы тот ему среднюю дочь в жёны отдал.

— Для меня самым большим счастьем было бы выполнить вашу просьбу, а вас, прекрасный князь, сыном назвать, но обещал я дочь свою орлу, и он вот-вот должен за нею прилететь.

— Э, пусть вас это нисколько не заботит. Орёл возьмёт себе в жёны орлицу, а мне отдайте девицу, которую я буду любить, — отвечал князь с улыбкой.

Что мог дворянин на это сказать? Если дочь согласна, то и он согласен. Дочери, разумеется, красивый князь был милее орла, хотя тот и царь птиц.

Князь, получив согласие отца и дочери, велел выгрузить два сундука с золотом и серебром, которые он привёз отцу в дар. Потом молодых повенчали и сели пировать. Кто бы мог ожидать, что дело так обернётся: вместо схватки с орлом — весёлый бал и танцы.

Веселье только началось, а молодой зять уже велел запрягать, любезно со всеми попрощался, молодую хозяйку в свою карету посадил, и полетели они из ворот к лесу, оставляя за собой густое облако пыли. Долго смотрели гости вслед уехавшим, а мать немножко всплакнула, да что там — ведь не орлу досталась, а красивому князю. А орлу, если бы он явился, плохо пришлось бы. Но напрасно они его ждали — не явился орёл.

Опять был дворянин богат, опять у него друзей хватало, и прежние забавы вернулись к нему вместе с деньгами. Однако и самый глубокий колодец можно вычерпать. Раскатилось богатство дворянина, да так, что осталось лишь на скромную жизнь в старом замке с женой, дочерью и прислугой. Не ходил он уже с ружьём ни на зверя, ни на птицу, только рыбу ловить ходил.

Однажды захотелось ему половить рыбу, взял он удочки и ушёл. По пути так и этак размышлял о своём житье-бытье и подумал, что если бы он теперь каким-нибудь образом разбогател, то транжирить деньги уже не стал бы.

Шёл он густым лесом, а когда лес кончился, оказался он в горной долине. Посреди долины лежало зеленоватое озеро. Здесь дворянин ещё никогда не бывал. Подошёл он к озеру, удочку в воду забросил в надежде, что улов будет богатым. И в самом деле жадная рыбка после краткой погони за наживкой сама на крючок попала. А за нею — вторая, третья. Дворянин радовался удачной ловле. Но недолго пришлось ему радоваться.

Озеро вдруг забурлило и от самого дна в высоту с рёвом волны взметнуло, а в волнах показался огромный рыбий хвост. Помчались волны к берегу, хлынули на сушу и выплеснули рыбу невиданной величины. В раскрытой пасти её свободно могла развернуться карета.

— Как ты посмел моих подданных губить? — запыхтела рыба. — За это я тебя съем — или же ты отдашь мне свою младшую дочь в жёны. Выбирай!

Тяжело было бедняге делать выбор перед широко раскрытой рыбьей пастью: страх сковал его разум, он не видел иного выхода и пообещал дочь рыбе.

— Через семь недель я за нею явлюсь! — пропыхтела рыба, сильным шлепком сомкнула пасть и метнулась в воду так, что высокие волны выплеснулись на берег, а она стремительно опустилась на дно и так глубоко в песок зарылась, что всё озеро помутнело.

Больше дворянин её не видел. Как чистую воду озера, так и душу дворянина замутила ужасная рыба. В тоске и печали отправился он домой. Единственная оставалась у него утеха, самая младшая и самая любимая дочка, и той ни за что ни про что он должен был лишиться.

Дотащился он домой мрачнее тучи. Дочка и жена бросились к нему, спрашивают, что случилось, почему он так печален.

Долго он не мог сказать, но ничего не поделаешь, пришлось им поведать обо всём.

— Двух дочерей я всё равно что потерял, — стал со слезами говорить он. — Бог весть, где и что с ними, ничего мне про них не известно. Но всё-таки знаю хоть, что я их людям отдал. А тебя, дитя моё, я обещал в жёны рыбе, потому что не было у меня иного выхода. Ох, несчастный я отец! — и плакал, как дитя малое, а мать ещё громче причитала.

Дочь тоже была опечалена: сестры её хоть за красивых князей замуж вышли, а ей чудовище приходится в мужья брать. Тяжко стало у неё на сердце, как только она про это подумала, и надеялась она лишь на то, что рыба не явится, как не явились ни медведь, ни орёл.

Пригласил дворянин на условленный день своих старых друзей, и по старой дружбе обещали они ему дочь охранять, а рыбу убить. Когда наступил рассвет назначенного дня, со всех сторон стали съезжаться гости, молодые, старые, чтобы защитить прекрасную девицу. Уж и полдень настал, а рыбы всё нет! Вдруг где-то в дали послышалась нежная музыка, шла она словно из-под земли, и чем ближе она звучала, тем прекраснее и громче становилась. Вскоре загремела земля от топота конских копыт, и длинная вереница раззолоченных карет выехала из леса и направилась прямо к замку. Никто и до пяти сосчитать не успел, как она уже была во дворе. В первой карете, самой роскошной, сидел князь, такой красивый и так богато одетый, что равного ему на свете не было и не будет.

Выскочив из кареты, он направился прямо к хозяину, а свита — за ним. Князь поклонился и стал упрашивать его, чтобы отдал за него свою младшую дочь.

— Конечно же, прекрасный князь, я охотно бы её вам отдал и радовался бы, что моя дочь счастлива будет, да пообещал я её чудищу-рыбе, которая вот-вот за нею явиться должна, —

отвечал дворянин.

— Эх, какое нам дело до рыбы, пусть у рыбы женой будет рыба, а мне отдайте свою красавицу дочь, я к сердцу её прижму и домой отвезу,— сказал князь, ласково улыбаясь.

Отец согласился при условии, что и дочь будет согласна. Пожалуй, никто охотней не дал бы своё согласие, чем она! После того как и дочь дала согласие, жених велел выложить подарки для отца — три сундука золота и серебра.

Тут же состоялось венчание, а после венчания — свадебный пир. И была та свадьба самая весёлая из всех. Музыканты, которых князь с собою привёз, играли так, что и у стариков кровь разыгралась, с трудом они удерживались, чтобы не пуститься в пляс вместе с молодёжью!

Но как ни хотелось ему остаться, приказал молодой зять запрягать, со всеми любезно распрощался, невесту к себе в карету посадил, и понесли буйные кони через ворота так, что земля под ними загудела.

Рыба не явилась.

Друзья старого дворянина думали, что он опять будет с ними играть в кости, охотиться — короче говоря, будет вести жизнь такую же, как и раньше,— но на этот раз дворянин образумился: решил деньги беречь, чтобы опять не впасть в бедность, и сдержал слово.

Единственно, что угнетало его и жену — не знали они, куда же всё-таки их дети подевались, а мать часто горевала, что стала она одинокой, как липа, у которой веточки обрубил.

Услышал бог её и решил послать ей на старости лет сыночка. Благодарны оба они были за этот дар не меньше, чем за первых своих детей, а поскольку они были рады его видеть, то дали ему имя Радовид.

Мальчик рос, стал красивым и пригожим. Отец обучил его всему, что сам умел, и оружием владеть научил, так что вышел из него смелый молодец. Стал он единственной радостью родителей и сам радовался, что будет заботиться о них в старости.

Дворянин строго-настрого запретил слугам при сыне даже упоминать о дочерях, чтобы молодой Радовид понятия не имел о том, что у него когда-либо были сестры. Но юноша видел, что у других есть сестры, и всё спрашивал, почему же у него нет сестёр. Родители отговаривались тем, что не у каждого мальчика бывает сестра, у него вот нет сестры, но сын замечал, что у матери глаза полны слёз, и потому отговоркам не поверил. Была у него старая няня, которая ему ни в чём отказать не могла. Стал он у неё выпытывать и до тех пор её ласково упрашивал, пока она ему не рассказала про всё, случившееся с его сестрами. Если бы добрая старушка могла предполагать, чем всё это обернётся, то свой язык на семь замков бы заперла.

Юноша, узнав правду, задумал сестёр разыскать.

Невозможно передать, как испугались родители, когда он им о своём решении сообщил. Отец уговаривал, умолял, мать плакала, но всё было напрасно: ни слёзы материнские, ни просьбы отцовские его не смягчили. — Я должен своих сестёр увидеть,— сказал он,— хоть под землёй. Да и мне полезно свет повидать, своё счастье испытать. Как будет, так и будет, дайте только мне, батюшка, доброго коня да крепкую саблю чтобы я мог себе дорогу хоть в рай, хоть в ад прорубить.

Выслушали всё это родители и поняли: не удастся им сына отговорить. И тогда отец решил, что самое лучшее будет дать ему всё необходимое. Дали они ему на дорогу денег, саблю, доброго коня и слуг, чтобы оберегали его от всего дурного.

Когда всё было готово, попрощался он со старыми родителями, с няней и отправился в путь по белу свету. Поехали они прямо к лесу, из которого, как сказал отец, князья приезжали и куда потом возвращались. Дорога вела всё дальше и дальше, через горы и доли, пока не достиг он дремучих лесов, где тысячелетние деревья стояли стеной, ствол к стволу, а под ними — сплошь густые заросли, которые приходилось прорубать, чтобы продвинуться вперёд хоть на шаг.

Не так уж страшен был путь, да вся еда кончилась, а жилья человеческого и духу не было. Слуги подбивали хозяина вернуться, не хотели идти дальше, пугали его — погубнем, мол, в лесу, — но он не обращал на это внимания и продолжал прорубаться всё дальше и дальше. Наконец подошли они к непроходимому лесу. Тут кони стали как вкопанные, будто кто их к земле приковал, и идти вперёд не хотели. Когда же их повернули вспять, они весело заржали.

Это была граница, которую не дано было переступить никому, кроме Радовида, сына дворянского. Понял он это, отдал слугам коней и сказал:

— Не суждено вам эту границу перешагнуть, друзья мои. Возвращайтесь домой к моим родителям, передайте им привет и скажите, что я не вернусь до тех пор, пока сестёр не отыщу. А коня моего с собой возьмите, потому что в этих лесах он мне не понадобится.

Слуги вернулись домой, а он один через непроходимый лес продолжал пробираться, прорубая себе путь саблей. Уже две вершины и две долины прошёл он, уж и третью миновал и приблизился к большой скале.

В скале была расщелина, а из расщелины той клубами выходил голубоватый дымок. И расщелину и дым он заметил сразу. «Эх, да пусть там хоть Баба Яга живёт, всё равно войду!» — решил он и без долгих размышлений направился к скале, а когда до расщелины добрался, увидел, что, хотя она и узкая, всё же кое-как туда протиснуться можно.

Влез в расщелину, а она чем дальше, тем шире становилась, так что он уже мог идти свободно, только темно там было, хоть глаз выколи. Прошёл он ещё немного и видит: вдали вроде бы огонёк горит и чем дальше, тем светлее становится. Неожиданно очутился он в большой, как дом, пещере, вырубленной в скале. Посреди горел костёр, и потому в пещере было светло. У костра сидела красивая женщина и играла с двумя медвежатами. Увидев перед собой человека, она вскочила и воскликнула с удивлением:

— Откуда же ты тут взялся? Здесь ведь не увидишь даже птички-невелички, не то что человека. Беги отсюда скорей, потому что, как только мой муж придёт, тотчас разорвёт тебя.

— Откуда я взялся? Иду вот искать сестёр, которые за князей замуж повыходили, — отвечал Радовид и стал хозяйке рассказывать про то, что ему няня поведала.

По его рассказу красивая хозяйка сразу же поняла, что это её брат, — была она старшей дочерью дворянина.

Она очень обрадовалась, под села к нему и велела рассказывать ей о доме. Но едва брат начал рассказывать, как перед пещерой послышался сердитый рёв медведя и сестра попросила Радовида спрятаться под корыто, стоявшее в углу. Едва он укрылся, как в пещеру ворвался медведь, муж красавицы сестры, и, обнюхав углы, заревел:

— Жена, чую человечину, где она, подать сюда!

— Ах, муженёк мой дорогой, откуда здесь человеку взяться, ведь тут даже птички-невелички не встретишь, не то что человека! Да ты успокойся! — пыталась унять его жена. Но медведь не хотел ничего слышать, бегал по пещере и ревел так, что за три долины было слышно.

— Коль ты не хочешь его отдать, так я сам найду! — и с этими словами бросился к корыту, перевернул его, — но тут пробило двенадцать, пещера задрожала и превратилась в большой прекрасный замок, медведь стал красивым князем, а медвежата — хорошенькими мальчиками.

С медвежьим обличем исчез у князя звериный нрав, и вместо того, чтобы разорвать зятя, стал он радостно его целовать и обнимать, довольный, что не причинил ему зла. После сердечной встречи потекла беседа. Радовид рассказывал о родителях, князь и княгиня — про то, как им живётся.

— Ты видел, милый зять, что я заколдован и превращен в медведя. И мои братья тоже заколдованы: средний стал орлом, а младший — рыбой. Чары действуют двенадцать часов, и в эту пору мы превращаемся в мерзких чудищ, бродим по окрестностям, зверствами своими людей тираним, а подданные наши превращаются в птиц и зверей, замки и сёла — в глухие леса и скалы. Как только пробьёт урочный час, мы вновь обретаем человеческий облик, и владения наши оживают. Итак каждый божий день! То, что мы заколдованы из-за нашей сестры, это нам известно, а как нас можно освободить, не знаю, и можно ли нас освободить вообще, ибо страшны оковы нашего заклатья. Ну, а коль ты всё же решил сделать это, попробуй вот что: иди к моему младшему брату — может, он сумеет тебе что-либо посоветовать. Возьми клочок моей медвежьей шерсти, он тебе пригодится.

Если очутишься в опасности, скомкай её — и тотчас же шесть медведей придут тебе на помощь.

Радовид охотно взял клочок шерсти и хорошенько его спрятал. Он на всё был согласен, лишь об одном попросил зятя, — чтобы тот ему дорогу к брату указал.

Поговорили они про всё, милого гостя щедро угостили — и тут копыта шести отменных коней загремели под окнами.

— Карета тебя ждёт, — сказал зять. — А кони дорогу знают. Ступай с богом, час моего заклатья близится.

Грустным было их прощание, потому что они не знали, увидятся ли когда-нибудь ещё.

Как только они простились, сел Радовид в карету, и кони словно ветер понесли его через горы и долины.

Они подъехали к границе владений зятя как раз когда роковой час пробил. В ту же минуту Радовид оказался на земле и увидел, как вместо коней шесть мышей побежали назад к лесу, а карета превратилась в ореховую скорлупу. В пустом лесу у ручья он был один как перст. За ручьём увидел дорогу, которая вела его к лесу, и направился по ней, не задумываясь, что ждёт его в конце пути.

Долго шёл он лесом, через долины, равнины и горы, всю еду, что взял с собой, уже съел — и вдруг попадаетея ему дуб, такой высокий, каких он сроду не видывал. Широко и далеко простирались его ветви, а среди них на вершине находилось гнездо. Как увидел его Радовид, сразу же подумал, что это и есть жилище средней сестры. Долго ждал, не покажется ли она,

чтобы помочь ему забраться наверх, но она не вышла. Стал он тогда кричать во всё горло и по дубу колотить. Спустя некоторое время наверху появилась красавица и спросила:

— Кто там кричит и стучится?

— Это я,— отвечал он,— твой брат, сестра моя дорогая! Помоги мне как-нибудь наверх забраться!

— Мой брат? — удивилась она.— Не было у меня никогда никакого брата. Кто бы ты ни был, человек, беги как можно скорее отсюда, потому что, как только придёт мой муж, он тебя тут же растерзает.

— Может, растерзает, а может, и нет, а пока помоги мне наверх попасть, там я тебе расскажу, кто я и чего хочу!

Поддалась она уговорам, спустила вниз верёвку, помогла Радовиду вскарабкаться. Очутившись наверху, сел он с нею на кучу мха, рядом с молодым орлёнком, и стал сестре рассказывать, кто он есть и зачем пришёл.

Заплакала сестра от радости, стала брата обнимать, но боялась, как бы орёл, когда домой вернётся, брата не растерзал.

Едва успели они познакомиться и немного поговорить, как загудело что-то в небе, будто гроза надвигалась. А это орёл летел.

— Братик мой милый, спрячься поскорей вот в этом мху, может, мне удастся тебя спасти! — умоляла его сестра.

Только он спрятался, как орёл влетел в гнездо с клёкотом:

— Жена, чую человечину, где человек, подать сюда!

— Ах, муж мой дорогой,— успокаивала его жена,— да откуда ей тут взяться, ведь тут даже птички-невелички не увидишь, не то что человека!

— Коль не хочешь выдать мне, так я сам его найду! — гневно засипел орёл и стал ворошить мох, уже и когти запустил в то место, где Радовид тихо сидел,— но тут пробило двенадцать.

В тот же миг земля затряслась, и маленькая хижина на дереве превратилась в великолепный дворец, орёл стал красавцем князем, орлёнок — милым мальчиком, и всё вокруг ожило..

Князь был доволен, что шурина не растерзал, и радовался этому вместе с ним. Тут же был устроен богатый пир, и Радовида заставили рассказывать о родителях, о том, как и зачем он сюда явился.

— Старики родители чувствуют себя как все старики. Когда я их покинул, были здоровы. Жаль было мне их покидать, но что поделаешь, коль захотел я с сестрами и зятями познакомиться! Ну, старшую сестру я уже знаю, зятя-медведя — тоже. Он рассказал мне, как вы оказались заколдованными, и я дал слово вас от заклятья освободить. Спрашивал я старшего зятя, как это сделать, да он ничего не мог мне посоветовать и к тебе, дорогой мой зятёк, послал — может, ты мне что-нибудь подскажешь.

— Ах, милый мой шурина,— князь ему в ответ.— Напрасно ты утруждаешь себя, не верится мне,

чтобы ты мог нас освободить. Тяжко наше заклетье. Тут даже я посоветовать не могу, но, коль уж ты так решил, отправляйся-ка к моему самому младшему брату, он тебе наверняка раскроет тайну.

— Я пойду, пойду, ты мне только дорогу покажи.

— На границу моих владений велю тебя отвезти, а потом иди по дороге, которая откроется перед тобой. Пойдешь той дорогой и придешь к озеру. Приглядишься повнимательней и увидишь: над водою дымок поднимается. Прыгни туда. Вот возьми несколько орлиных перьев. Очутишься в опасности, сомни их — тотчас же шесть орлов придут тебе на помощь.

Радовид зятя поблагодарил, перья спрятал, и минуту спустя под окнами раздался топот шестёрки лошадей.

— Ну,— сказал князь,— близится мой час. Карета для тебя уже приготовлена, ступай с богом, чтобы время, когда я опять стану орлом, тебя не застигло.

Горестно прощался Радовид с любимой сестрой и зятем. Они проводили его до самой кареты.

Едва он сел, полетела она через горы и доли, будто несли её крылатые кони. Когда подъехали к границе, пробил урочный час, и Радовид, как и в прошлый раз, увидел, что сидит на земле. Кони превратились в воробьев, а карета — в яичную скорлупу.

Увидел он тропинку, вспомнил, что зять говорил, и смело направился по ней. Путь оказался длинным, и всё, что было взято в дорогу, он съел прежде, чем достиг берега зеленоватого озера. За всё путешествие это, пожалуй, был самый счастливый момент, потому что, едва он остановился у озера и огляделся, увидел, как неподалёку от берега над сверкающей гладью курится облачко синего дыма и растекается в разные стороны.

Даже не отдохнув, он прыгнул в воду именно там, где облачко поднималось. По трубе он счастливо долетел до очага, который сестра как раз хотела разжечь. Не понимая, что происходит, она испуганно отскочила, но брат выпрыгнул из очага, побежал за нею и радостно закричал:

— Не бойся, сестра моя дорогая, не бойся, ведь это я, твой брат, я пришёл тебя проведать!

Страх у неё прошёл, когда она увидела перед собой человека да услышала, как он её сестрой называет, хотя про брата ничего не знала. И говорит она ему:

— Не обманывай меня сладкими речами, потому что никакого брата я не знаю. Но кто бы ты ни был, божье созданье, скажи: как ты тут очутился и что тебе здесь нужно?

Тут Радовид всё по порядку сестре поведал, кто он и зачем пришёл, и тогда сестра бросилась ему на грудь и к сердцу своему его прижала. Велика была их радость, а стала ещё больше, когда и зять уже в человеческом виде домой пришёл. Жена до третьей горницы ему навстречу бежала, чтобы несказанную радость сообщить.

— Муж мой дорогой, иди скорей. Брат, которого я дома ещё не знала, пришёл!

— Если он твой брат, значит, мне он милый шурин! — приветствовал гостя князь-рыба и тут же стал расспрашивать его про родителей.

— Стариков родителей я оставил дома в добром здравии, только, право, не знаю, что с ними

сейчас и живы ли они. Я уже давно из дому. Хотел я сестёр и зятьев сыскать и вот уже всех увидел. Только хочу я тебя ещё кое о чём спросить. Рассказывали мне зятя медведь и орёл, что ты, милый зятёк, наверняка знаешь, как я могу вас от заклятья избавить, потому что я до тех пор домой не вернусь, пока вас не освобожу, а для этого жизни не пожалею.

— Нелёгкий и опасный труд взял ты на себя, и не знаю, удастся ли тебе с этим делом справиться,— сказал князь-рыба после долгого раздумья.— Но коль уж ты твёрдо решил, попробуй. Так вот, слушай: была у нас единственная красавица-сестра, которую один чародей хотел в жёны взять. А она выходить за него не хотела, да и мы тоже не хотели ему отдавать её. Тогда он страшно рассвирепел, сестру схватил и унёс, а нас всех троих заколдовал. И в этом заклятье мы до тех пор мучиться должны, пока она за него не выйдет либо пока нас кто-нибудь не освободит.

Чародей вместе с нашей сестрой находится в пещере. Вход в неё можно открыть только золотым ключом, что неподалёку на высоком дереве висит. Но того, кто захочет снять этот ключ, большие опасности подстерегают. Вход в пещеру проходит через двенадцать залов, в тринадцатом зале на ложе спит чародей, а рядом с ним в гробу лежит наша сестра. Над гробом висит золотая труба. Затрубишь в неё — всех нас освободишь. Через всё это ты должен пройти и многое вытерпеть, если хочешь нас освободить.

— Терпеть я научился за время пути, а опасностей не боюсь. Поэтому пойду! Вы же мне только дорогу укажите.

— Ну, помогай тебе бог! Ступай тогда, дорогу я тебе охотно покажу,— сказал зять.

Милого гостя угостили всем чем могли, потом с сожалением распростились, и Радовид отправился дальше по пути, который ему показал зять.

Долго ходил-бродил он по горам и холмам, пока наконец не добрался до большого дерева, на котором, сверкая золотом, висел ключ. Увидел его наш юноша, обрадовался. Немного отдохнул и полез на дерево. Лез он, лез, вскарабкался уже на несколько сажень, как вдруг примчались шесть диких быков и могучими лбами стали дерево валить. Как пруттик, закачалось дерево в разные стороны. Ещё немного — и Радовид полетел бы вниз, как жёлудь. На счастье, вспомнил он про подарок зятя-медведя. Быстро вынул клочок шерсти, скомкал его — и в тот же миг, откуда ни возьмись, шесть огромных медведей кинулись на быков и в клочья их разорвали.

После того как столь страшная опасность миновала, с трудом стал карабкаться он всё выше и выше, пока не добрался до самого ключа. Уже хотел было его снять, как вдруг налетела стая диких гусей, принялись они нашего молодца клевать и бить крыльями. Вспомнил он тут про орлиные перья, быстро достал их, помял — и в тот же миг, откуда ни возьмись, прилетели шесть огромных орлов, и через минуту от стаи диких гусей ничего не осталось.

Преодолев и второе препятствие, Радовид снял ключ без труда и спустился вниз. Большая часть дела была сделана, ключ у него в руках, но главная беда ждала его впереди.

Он немного отдохнул и направился к скалам, что высились неподалёку от дерева. Осмотрел он их со всех сторон, но не нашёл не то что двери — ни единой щёлочки. Он было уже подумал, что не сумеет воспользоваться добытым с таким трудом золотым ключом, но тут вспомнил, что зять-рыба велел ему ключом этим коснуться скалы, и там, где он до неё дотронется, скала раскроется.

Он коснулся ключом скалы — и скала расступилась. Радовид вошёл в зал, вырубленный в сплошном льду. От стен веяло обжигающим холодом, а ноги ко льду примерзали. Но он не

обращал на это внимания и спешил к следующим дверям. Когда он вошёл во второй зал, его обдало жаром — весь зал был в пламени. Третий зал встретил его шипением змей, которые сплелись в страшный клубок. Юноша быстро пробежал в четвертый зал, где было полно отвратительных летучих мышей. Один за другим пробегал он залы с ещё более отвратительными тварями. Наконец подбежал к дверям тринадцатого зала. Чуть приоткрыл их, проскользнул, как тень, и тихо закрыл за собой.

Все было так, как говорил ему зять. Ужасный чародей тяжким сном спал на ложе, рядом с ним на земле в железном гробу лежала прекрасная, но бледная и вся словно высохшая девушка. Над гробом на стене висела золотая труба. Вконец изнурённый, Радовид присел в уголок отдохнуть. В зале было так тихо, что слышно, как муха пролетит. Тут пробило двенадцать. Чародей проснулся и, обращаясь к лежащей, закричал страшным голосом:

— Выйдешь за меня или нет?!

А из гроба раздался печальный, слабый женский голос:

— Нет.

— Стнёшь заживо! — крикнул чародей и опять уснул.

Радовид чуть подождал, тихонько поднялся с пола и неслышно подошёл к ложу и потянулся за трубой. Он уже взял её в руки, — но вдруг чародей проснулся и набросился на него. Ловкий юноша быстро отскочил, и не успел чародей его схватить, как он трижды громко протрубил.

Из золотой трубы вырвался звук такой силы, словно сто громов загремело. Скалу встряхнуло до самого основания, все залы — и ледяной, и огненный, и с разной нечистью — превратились в королевские хоромы, чародей разлился колёсной мазью, а из гроба встала прекрасная девица. В гробу она выглядела как мёртвая, восстав же из гроба, стала прекрасна, как роза. Заклятье былую красу её не убило, и она осталась по-прежнему юной. Заливаясь слезами, благодарила она своего освободителя. Юноша тоже был рад, что освободил не только зятьёв, но и прекрасную сестру их, которая ему очень понравилась.

— Скажи мне, пожалуйста, добрый молодец, кто ты и как сюда попал? — спросила она его.

Стал тут Радовид всё от начала до конца рассказывать: кто он, где был и как в пещеру проник. Ещё больше обрадовалась девица, что Радовид и братьев её от заклатья освободил и что теперь они с Радовидом родственники. Снова и снова благодарила она его и не знала, как же ещё его отблагодарить.

— Ничего мне не надо, красавица, кроме тебя! — отвечал ей на это Радовид.

Он девице тоже полюбился, а потому она сразу же с ним обручилась и обещала быть ему верной женой.

Когда они обо всём поговорили и вместе порадовались, отправились к самому младшему брату, у которого уже и оба старшие вместе с жёнами и детьми ждали их. Велика была радость, когда все они встретились, а ещё больше — когда к старикам родителям добрались и живыми их застали. А те и желать не могли большего, чем то, что и дочери, и сын все счастливые нежданно к ним вернулись. Завершила несказанную ту радость свадьба Радовидом с прекрасной девицей.

Вот это была свадьба! С той поры как свет стоит, такой не было и не будет!

СПРАВЕДЛИВЫЙ БОГУМИЛ

У батрака, который каждый кусок хлеба добывает в поте лица, детей иногда бывает больше, чем у богача, что в шелках ходит, а золото четвертными мерами мерит. Так и было в одном большом городе, где у слуги шестеро детей, а у короля ни одного. Король многие тысячи швырял за одни только советы и учёным и бабам-знахаркам, но всё без толку. Королеву это тоже огорчало; во все храмы она давала деньги каждый день молить за неё бога, чтобы он послал им наследника. Как-то однажды в сердцах король сказал:

— Коль нет воли божьей на то, чтобы у нас был ребёнок, так пусть хоть по воле чёрта будет!

Очень скоро после этого королева объявила, что ждёт ребёнка, а король о своих словах даже не вспомнил.

Прошло несколько месяцев, и королева родила дочь. Со всей ближней и дальней округи наехало в замок множество гостей, которых пригласил, на крестины счастливый король. Восемь дней кряду в городе только и слышны были музыка и песни, все плясали и веселились.

Принцессу называли Людмилой. Родители оберегали её как величайшую драгоценность, ничего для неё не жалели, растили в роскоши. В семнадцать лет её считали самой красивой девушкой во всём королевстве. Многие юноши готовы были за неё в пучину морскую броситься, если бы знали, что драгоценную жемчужину добудут. Но Людмила пока ни о ком не думала, и только родители иногда между собой судили, кто из знатных принцев ей больше подошёл бы.

Сидит однажды она с родителями за столом очень грустная, а мать возьми и спроси: что, мол, с тобой?

— Ах, милая матушка,— принцесса ей в ответ,— не знаю, почему мне весь день так тоскливо, словно расставание с вами предстоит.

Мать только хотела строго выговорить дочери за такие грустные мысли, но та вдруг почернела, как уголь, и с кресла на пол без сознания упала. Королева тоже лишилась чувств, король схватился за голову, придворные тотчас же созвали полный дом врачей, но не нашлось силы, которая бы несчастную принцессу могла воскресить.

Одели её в дорогое платье, положили в золотой гроб и похоронили в семейном склепе. Король приказал, чтобы днём и ночью возле гроба стояла военная стража. Всё королевство было в трауре по доброй принцессе, сильнее же всех горевали несчастные родители, которые так неожиданно лишились любимой дочери.

Когда ночью пришли сменить солдата, стоявшего на часах у гроба с одиннадцати до двенадцати, то нашли его растерзанного на несколько частей. С ужасом смотрели солдаты друг на друга, но объяснить, что произошло, никто не мог. Утром о случившемся доложили королю. Король перепугался и тут же велел офицерам поставить в караул самого смелого солдата, чтобы узнать, кто убийца. Но и на другой день и во все последующие дни происходило то же самое: стражей, стоявших с одиннадцати до двенадцати, находили мёртвыми и на куски растерзанными. Солдаты роптали, что по прихоти короля им приходится на смерть идти, а в народе ходил слух, что принцесса появляется как привидение.

Долго так продолжалось. В войске королевском совсем не осталось бесстрашных солдат. Стали брать всех подряд. Каждый дрожал как осина, когда подходил его черёд, но не подчиниться нельзя, хочешь не хочешь, а иди.

Дошла очередь и до Богумила, одного из сыновей батрака. Это был ладный, весёлый парень, все его любили. Если бы король его против врага послал, он бы не испугался, но бесславно умереть стражем у гроба... И тогда испросил он позволения пойти домой проститься с родителями. Шёл он домой и размышлял: «А зачем это я ни за что ни про что буду отдавать себя на растерзание какой-то нечисти? Сбегу-ка я лучше». Подумав этак, он тут же свернул с дороги и направился в чисто поле. Уже порядочно от дороги отошёл — и вдруг видит, сидит под деревом старичок, весь сгорбленный, голова седая, борода длинная, белая как снег.

— Солдатик, помоги мне, пожалуйста, встать! — обратился он к проходившему мимо Богумилу.

— С удовольствием, — ответил тот. — А если хотите, то и провожу вас, если вы не в город идёте.

— А если в город, то ты бы, значит, со мной не пошёл?

— Боже упаси, долго мне туда не захочется вернуться!

— Почему же?

— Скажу охотно. Надеюсь, вы меня не выдадите?

И стал тут Богумил о несчастных солдатах рассказывать, о том, что он ушёл из города, чтобы избежать позорной смерти.

— Ты послушай меня малость, я тебе кое-что посоветую, — сказал старец, когда Богумил закончил свой рассказ. — Призрак, что солдат убивает, — это покойная принцесса Людмила, которая страдает за вину отца своего. Король сказал когда-то, что пусть будет дитя хоть по воле чёрта, и в несчастную девочку вселился нечистый дух. Если ты слушаешься моего совета, то и принцессу освободишь и сам будешь счастлив.

— Послушаюсь, дедушка, послушаюсь. Мне и так плохо оттого, что я, как трус, из войска сбежал.

— Так вот, возвращайся обратно и, когда придёт твой черёд, ступай в караул без робости. Придёшь в склеп — окропи себя святой водой, очерти ружьём круг и стой в нём. Пусть что угодно происходит — не обращай внимания и не выходи из круга. Не бойся ничего, как бы плохо тебе ни было. Завтра придёшь сюда и расскажешь мне, как ты с этим справился.

Богумил поблагодарил старца и вернулся в город. Приятели думали, что будет он печальным, — он же смеялся и пел, а около одиннадцати взял ружьё и зашагал в караул.

— Дай бог пережить тебе эту недобрую ночь! — пожелали ему друзья.

— Я верю, что мы ещё увидимся, — твёрдо сказал Богумил. — Буду внимательней и, вот увидите, выслежу злодея!

Сказав это, простился с ними, шагнул во мрак храма и направился к освещенному королевскому склепу. Вокруг гроба стояло двадцать четыре подсвечника с горящими свечами. Богумил взял один, посветил во все углы — нет ли там кого. Но нигде ничего не увидел. Встал он тогда посреди склепа, обвёл ружьём круг, вошёл в него, окропил себя святой водой, потом прижал ружьё к телу и стал ждать. Когда становилось страшно, он повторял слова старца — и страх проходил. Пробыло одиннадцать. В тот же миг золотая крышка гроба открылась, и принцесса, вся чёрная, выскочила из него и, злая, как ведьма, стала по склепу летать. Хочет она вцепиться в солдата, но не может переступить круг. Тогда она разъярилась, стала

брасывать крышки с гробов и терзать истлевших мертвецов. Бесновалась она так до полуночи, потом прыгнула обратно в гроб, крышка захлопнулась, и наступила тишина. Хотя всё это Богумил выдержал мужественно, однако же обрадовался, когда слышал шаги подходившей смены. Солдаты удивились и обрадовались, что товарищ жив и здоров. Стали расспрашивать, каково ему было и что он видел.

— Что видел, то видел, а вам про то не скажу! — отвечал Богумил, потому что старец велел ему про это никому не рассказывать.

Утром доложили королю, и тот велел, чтобы Богумил предстал перед ним и рассказал, что с ним ночью приключилось.

— Милостивый король, — отвечал Богумил, — я вам ничего сказать не могу, так что даже и не требуйте этого от меня!

Увидел король, что принуждать Богумила бесполезно, попросил его ещё одну ночь гроб покараулить и обещал за это щедро наградить. Богумил согласился, а после полудня отправился за город к старичку.

— Ну, каково тебе было? Всё ли обошлось благополучно? — спросил его старец, сидевший под тем же деревом.

— Да, благополучно, премного вам благодарен за совет! — ответил Богумил и стал рассказывать, как всё было.

— Стало быть, благополучно. Сегодня ступай опять караулить и делай всё то же, что и вчера. Может, ещё и не такое увидишь, но ничего не бойся, а завтра опять ко мне приходи.

Богумил поблагодарил старца и отправился домой. Около одиннадцати он взял ружьё и к склепу шёл даже с охотой. Как и прошлой ночью, очертил круг, шагнул в него и стал ждать: как-то будет на этот раз?

Едва пробило одиннадцать, крышка гроба поднялась, чёрная принцесса выскочила, и, словно по команде, из всех углов повалили чудища: глаза их сверкали, бездонные пасти разверзались прямо перед Богумилом. Мерзкие летучие мыши и совы подлетали прямо к голове, а принцесса бушевала в склепе, прыгала в разные стороны, терзала трупы, строила гримасы Богумилу. Опершись на ружьё, смело стоял он на своём посту. Наконец пробило двенадцать — и всё исчезло.

Утром король опять выпрашивал, что Богумил в склепе видел, но тот молчал, ни единого слова не сказал.

После полудня он опять отправился к старцу и всё ему поведал.

— Ещё одна ночь — и принцессу покинет злой дух. Но если хочешь и на этот раз получить совет, то обещаю тебе отдать половину того, что в награду получишь.

— Отдам, дедушка, только вы мне опять посоветуйте, что мне делать.

— Тогда иди ещё раз в склеп караулить и, как только принцесса из гроба выскочит, быстро ложись в него и очерти над головою круг. Когда приблизится полночь, принцесса станет тебя из гроба гнать, будет умолять и сулить всё что угодно, только бы ты её в гроб пустил. Но ты не пускай, как бы худо тебе ни было. Что случится дальше — увидишь.

Богумил пообещал, что сделает всё, как старичок ему посоветовал, попрощался с ним и заспешил в город.

Когда пробило одиннадцать, Богумил уже стоял на своём месте, а как только принцесса выскочила из гроба, он потихоньку подкрался, лёг в пустой гроб и очертил круг над головой. И опять несусветная нечисть стала виться над гробом, но переступить круг не посмела. Принцесса бесновалась ещё пуще прежнего, потом стала гнать Богумила. Но когда увидела, что он даже не шевельнулся, пришла в такую ярость, что стала рвать на себе платье. Потом упала на колени и так жалобно умоляла пустить её, что он чуть было не согласился. Однако сделал вид, будто не слышит. Видит она: мольбы не помогают. Стала обещать ему золото и серебро — столько, мол, что хватит, чтобы купить целое королевство. Но и на это Богумил не ответил. Тогда вдруг гроб затрясло, все двадцать четыре свечи погасли, а по углам вспыхнули синие языки пламени. Гробы открылись, скелеты встали и устроили дикий хоровод вокруг гроба, скалили на Богумила зубы. Холодный пот выступил у него на лбу, когда он увидел такое. Однако вспомнил про то, что ему было велено, закрыл глаза и лежал, будто сам умер. Вдруг опять всё задрожало, пробило полночь, и, когда Богумил открыл глаза, видит: всё в полном порядке, только у гроба, стоя на коленях, горячо молится принцесса Людмила, такая же красивая, нет, ещё красивее, чем прежде.

Долго Богумил любовался ею и долго бы ещё так лежал, не спуская глаз с принцессы, если бы не слышал шаги солдат, которые шли его сменить. Тогда он тихонько встал, а Людмила подняла на него глаза, подошла к нему и сказала ласковым голосом:

— Как мне тебя благодарить, отважный мой спаситель, за то, что ты меня от дьявольских чар избавил?

Богумил молча взял её руку и запечатлел на ней горячий поцелуй.

Тут вдруг они услышали шум, и принцесса в страхе крепко прижалась к своему спасителю. Солдаты, что шли сменить Богумила, сперва заглянули через щель в дверях склепа, увидели Людмилу, озарённую светом, и подумали: это ангел! И сломя голову бросились бежать из храма. Это и был тот самый шум, которого принцесса испугалась. Солдаты прибежали домой и тотчас же доложили офицерам, что Богумил в склепе с ангелом беседует. Офицеры — королю, а тот поспешил в храм, чтобы убедиться, правда ли это. Открыли храм, и король увидел Богумила и принцессу Людмилу. Он ещё не мог поверить, действительно ли это его дочь или же дух её. Лишь после того как Людмила с радостным криком бросилась в отцовские объятия, он крепко прижал её к сердцу и заплакал. Королева уже встала, когда король с дочерью и Богумилом вернулись в замок.

Велика была радость материнская при виде дочери, живой и красивой, как прежде. Потом Людмила рассказала, что ей довелось претерпеть и как Богумил её спас. Горячо благодарили его родители, а король вынес ему полный кошелёк дукатов.

— Нет,— милостивый король,— сказал Богумил и отодвинул деньги в сторону.— Сделал я это не ради награды, а потому деньги принять не могу.

Тут Людмила взяла короля за руку и сказала:

— Дорогой отец, он меня спас. Я его люблю и он меня тоже, а потому самая большая награда для него, если ты его сыном назовёшь.

Король немного задумался, но, встретив умоляющий взгляд королевы, согласился благословить брак. Богумил был как во сне, не веря тому, что станет мужем прекрасной Людмилы.

Король хотел отпраздновать свадьбу не откладывая, а затем передать правление королевством Богумилу. Но жених боялся, что не сразу разберётся в столь сложном деле, а потому просил короля, чтобы он прежде научил его всему, что ему нужно будет знать. Король согласился, и с той поры Богумила можно было видеть повсюду. За короткое время он узнал все нужды своего народа, так что очень скоро он знал больше, чем сам король.

Потом праздновали свадьбу, а после неё Богумил был коронован. На свадьбе молодой король не забыл ни о родителях своих, ни о братьях, а рядом с королём посадил отца-батрака. Тому, разумеется, больше не нужно было стадо пасти, но и никакого богатства или же титула от сына ему не надо было, а остался он старым Войтой, как прежде.

Каждый из братьев получил поместье, все они стали хорошими хозяевами и не завидовали, что у Богумила корона, понимали: хотя она и золотая, да не лёгкая.

Прошло уже какое-то время с той поры, как Богумил и Людмила поженились, но чем дальше, тем больше они друг друга любили, и не верьте, будто в счастье своём он позабыл про старика, которому этим счастьем был обязан. Часто думал о нём, пытался разыскать, но старика и след простыл.

Однажды король Богумил со своей супругой поехал на прогулку за город. У моста вдруг кони остановились как вкопанные. Король крикнул кучеру, чтобы тот взглянул, что там мешает им ехать. А кучер отвечает, что сидит там старенький дед, а больше он ничего не видит. Король вылез из кареты, увидел старца и тут же узнал в нём своего советчика. Радостный, подошёл к нему и говорит:

— Наконец-то! Скажите же, где вы столько времени пропадали, я спрашивал о вас повсюду, но никто не мог ничего ответить.

— Коль ты обо мне спрашивал, значит, обещание своё не забыл.

— Да как же я мог забыть? Из того, что я получил, половина принадлежит вам. Пойдёмте скорее со мной, я вас своей супруге представлю!

— Именно о ней речь. А знаешь ли ты, братец, что по справедливости она лишь наполовину твоя?

Богумил остановился, словно громом поражённый, кровь в его жилах застыла. Об этом он не подумал.

— Я хочу убедиться в том, что ты всегда держишь слово и всё будешь решать справедливо, поэтому яви мне первое доказательство. Возьми меч, разруби жену надвое и раздели её со мной.

Богумил вздрогнул и сказал с дрожью в голосе:

— Не требуй от меня этого, лучше я отдам тебе всё королевство.

— Я не хочу всё,— отвечал упрямый старец,— хочу только полкоролевства и полжены. Я могу этого требовать по справедливости. Если и ты хочешь быть справедливым, то, не задумываясь, жертвуй самым дорогим для себя, и ты будешь знать, какой грех совершает король, когда данное слово нарушает!

И тогда Богумил собрался с духом. Он должен был доказать, что и перед оборванцем нищим он

сдержит обещание. Подошёл к карете, рассказал жене о тяжком уговоре. Людмила оказалась достойной своего мужа.

Чтобы не терзать его сердце, без единого слова выскочила она из кареты и подошла к старцу. Король подумал, что старик сжалится над такой красотой, но тот стоял на своём. Супруги обнялись напоследок, король вытащил меч, замахнулся и...

— Остановись! — крикнул ему старец.— Я испытывал, справедливо ли ты будешь править и верно ли будешь слово держать. Теперь вижу, что не ошибся в тебе. Оставайся таким же до самой смерти, и небо благословит тебя.

И прежде чем король и королева опомнились, старик исчез с глаз — но не из памяти.

До самой смерти Богумил правил справедливо и милосердно.

НЕУСТРАШИМЫЙ МИКЕШ

У одного кузнеца был сын, звали его Микеш. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, отец стал учить его своему ремеслу. Окончив учение, Микеш решил, что дома он не останется, и говорит отцу:

— Дайте мне железа, я себе на дорогу посох сделаю.

Отец дал ему двадцать пять фунтов железа.

Микеш ему на это:

— Эх, батюшка, из этого железа только тросточка для меня выйдет. Что я с нею делать буду? Дайте-ка вы мне семьсот фунтов.

— Эк хватил! Да тебе такой столб с места не сдвинуть!

— Не то что сдвину, а и помахивать им буду! — отвечал Микеш.

А когда он посох себе отковал, отец убедился, что сын у него богатырь и говорил ему правду.

Отец дал Микешу на дорогу денег, мать пирогов из самой лучшей муки напекла, взял он всё это с собой и отправился в путь-дорогу.

В один прекрасный день забрёл Микеш на мельницу и видит: взвалил молодой мельник себе на плечо старый жёрнов и несёт его как ни в чём не бывало. Микеш подумал: «Парень крепкий, если бы он согласился, взял бы я его с собой».

Микеш стал ждать, когда тот опять из мельницы выйдет, и начал его уговаривать отправиться вместе бродить по белу свету. Мельник не заставил себя долго упрашивать, тут же взял расчёт и ушёл вместе с Микешем.

Идут они лесом, догоняют путника.

— Куда идёшь? — спрашивает его Микеш.

— Свет повидать, себя показать.

— Что умеешь делать?

— Столяр я.

— А ты сильный?

— Смотрите!

Тут он ухватил сосну и вырвал её с корнем.

— Молодец! — похвалил его Микеш. — А как тебя зовут?

— Бобеш.

— Пойдём с нами. За всё плачу я, деньги у меня есть, а кончатся — так другие будут.

— А вы кто такие? — спрашивает Бобеш.

— Я кузнец, зовут меня Микеш, а это мой приятель Куба, он мельник. Мы тоже сильные, как ты, а может, и посильнее тебя.

— Ну, тогда я тоже пойду с вами! — сказал Бобеш, подавая руку своим новым товарищам.

И пошли они вместе бродить по свету. Ели, пили, как господа, так что ничего удивительного не было в том, что очень скоро в кармане у Микеша стало пусто.

— Вот что, друзья, — сказал он им в один прекрасный день. — У меня осталось всего три монеты. Семь бед — один ответ. Отправимся-ка мы сейчас в город, закатим себе хороший ужин, а там видно будет, что-нибудь придумаем.

Приятели не стали ему возражать, и они весело зашагали в город.

— Хозяин! Каждому по кувшину вина и на всех хороший ужин! Да поторапливайся, мы очень проголодались! — распорядился Микеш так, словно у них карманы были набиты деньгами. Трактирщик принёс им всё, что только было. А они пили и ели, сколько могли.

— А какие у вас тут новости? — спросил Микеш.

Он всегда интересовался новостями, когда был сыт.

— Да ничего хорошего, господа почтенные. Вы ведь уже слышали о несчастье нашего короля и о бедных его дочерях?

— Понятия не имеем, ведь мы не здешние, идём издалека.

— Тогда придётся вам про это рассказать... Было у нашего короля три дочери-красавицы, одна старше другой ровно на год. Когда самой старшей из них исполнилось восемнадцать, она вдруг исчезла из замка, и никто не знал, куда она девалась. Родители плакали и сокрушались так, что едва не умерли от горя. Но вы послушайте, что дальше-то было. Прошёл год, и средней принцессе исполнилось восемнадцать, и она также исчезла. С тех пор её тоже никто не видел. После этого в замке всюду установили стражу, а самой младшей принцессе из комнаты даже выходить не разрешали. И подумать только! В день, когда исполнилось ей восемнадцать, пировали до самого вечера, а наутро принцессы и след простыл. Король велел объявить: тому, кто узнает, где его дочери, любую из них он отдаёт в жёны и в придачу половину королевства.

— Друзья! — произнёс Микеш, когда трактирщик закончил свой рассказ. — Разве я не говорил

вам, что придумаем что-нибудь! Сейчас вы в этом убедитесь!

— Что же ты придумал? — спрашивает Куба.

— Всё-то тебе разжуй да в рот положи! Вот что я думаю: если король даст нам с тобой столько денег, сколько мы спросим, мы отправимся разыскивать принцесс.

— Легко сказать — отправимся! Только где мы их отыщем? — засомневался Бобеш.

— А пойдём куда глаза глядят! — засмеялся в ответ Микеш.— Будем их искать по всему свету, где-нибудь найдутся. Разыщем их обязательно, если даже в ад придётся за ними спуститься. Хозяин, отправляйся к королю и доложи ему про нас, скажи, что мы готовы идти искать принцесс, если он даст нам на дорогу денег столько, сколько мы спросим.

Обрадовался трактирщик, что Микеш берётся за такое дело, и заспешил к королю. Проходит немного времени, и в трактир вбегает королевский слуга с наказом, чтобы все три путника явились в замок. Они тут же встали и пошли.

Король расспросил их про всё и велел дать им денег столько, сколько они хотят. Приятели поблагодарили короля и, не медля, двинулись в путь.

Шли они уже много дней и забрели в лес, а выйти из него никак не могут.

— Так, братцы, у нас ничего не получится,— говорит главный из троих силачей, Микеш.— Будем мы ходить по кругу в этом проклятом лесу долго. Сделаем вот что: я воткну сюда свой посох, и каждый из нас пойдёт от него в свою сторону. Кто первый найдёт выход из леса или встретит какое-нибудь жильё, свистнет в свисток, который на посохе будет висеть, и мы соберёмся вместе.

На том и порешили. Каждый пошёл в свою сторону. Вскоре Бобеш вернулся к посоху и стал свистеть.

— Ну, что ты нашёл? — спрашивает его Микеш, когда все собрались.

— Идёмте со мной, я нашёл приготовленный для кого-то королевский ужин.

Микеш говорит:

— Послушай, Куба, кажется, Бобеш решил, что мы совсем спятили.

Однако отправились вслед за Бобешем. Тот вовсе и не собирался их обманывать. Прошли они немного и видят перед собою пещеру. Вошли, наелись досыта и стали осматриваться. Смеркалось, света у них не было, и потому отыскать выход из пещеры они не сумели. Усталость давала себя знать, и они решили устроиться на единственной постели и поспать до утра.

— А знаете что, друзья, похоже, что в этой пещере живут разбойники. Если они вернуться и увидят, что кто-то съел их ужин, туго нам придётся. Я ничего не испугаюсь, если даже три десятка на меня нападут, а всё же надо быть наготове. Я думаю, что раз уж мы не дома на печи, кому-то придётся не спать, а караулить. Пусть сегодня нас охраняет Бобеш.

— Ну и хитёр! Что ж ты сам не хочешь караулить?

— Помалкивай лучше и делай что тебе велят. Придёт и мой черёд,— ответил ему на это Микеш.

Бобеш больше спорить не стал, а двое его друзей легли спать. Очень скоро глаза у стража начали слипаться, голова отяжелела и сама собой опустилась на грудь. Только это он стал дремать, как кто-то вlepил ему такую оплеуху, что у бедняги искры из глаз посыпались. Вскочил тут Бобеш и видит: стоит перед ним карлик, ростом едва до колена ему. Борода и усы чёрные на грудь спадают, а сам в красный плащик одет. Бобеш хотел напуститься на него, но тут глаза их встретились, и от взгляда жгучих чёрных глаз карлика Бобеш онемел, холодный пот выступил у него на лбу. Карлик ещё некоторое время смотрел на Бобеша, потом отвернулся, подошёл к спящим и сдёрнул попону, которой они были укрыты. Проснулись утром силачи, дрожа от холода, и набросились на Бобеша: зачем он, такой сякой, сдёрнул ночью с них попону?

А тот: ничего, мол, не знаю. Так и не сказал им про карлика, побоялся, что Микеш над ним смеяться станет.

— Позавтракать бы теперь,— произнёс Куба.

— Куба думает, что он в раю, и сейчас жареный голубь сам ему прямо в рот влетит. Мой отец говаривал: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда!» Хватит бездельничать, давайте-ка лучше пещеру осмотрим как следует.

Стали пещеру осматривать и нашли какую-то дверь. Навалились, поднатужились — и открыли. За дверью оказалась ещё одна пещера, только поменьше. Посреди печь, на ней миски, плошки и всякая утварь кухонная. Только едой даже и не пахнет.

— Значит, прав был я, когда говорил вам, что разбойничья шайка тут бывает. Видно, кто-то спугнул разбойников вчера, потому и достался нам их ужин. Ну, теперь хозяева тут мы. А потому первым делом надо идти на охоту. Один из нас останется дома, воды наносит, огонь разведёт. Бобешу сегодня не удалось поспать, вот пусть он и останется. Всё приготовит и вздремнёт,— сказал Микеш.

А Бобеш и говорит:

— Нет, не хочется мне спать, пусть лучше Куба останется.

— Ты что, Бобеш, боишься, что ли? — удивился Микеш.— Кабы я раньше знал, что ты можешь чего-нибудь бояться, я бы и связываться с тобою не стал!

Стыдно стало Бобешу, умолк он и принялся хозяйничать. А Микеш и Куба отправились на охоту. У выхода из пещеры Микеш увидел кусок пергамента. Поднял его, а там написано: «Если над мёртвым прочесть все слова, что тут стоят, то он воскреснет». Микеш сунул пергамент в карман, и они зашагали в лес.

Бобеш тем временем принёс воды, перемыл всю посуду, развёл в печи огонь. И вдруг — опять перед ним карлик в красном плаще.

— Интересно, что же ты собираешься сварить на обед? — спрашивает он Бобеша.

— Пока не знаю, вот придут друзья с охоты, принесут чего-нибудь.

— А ты их не жди, загляни-ка лучше в дымоход и увидишь, что там полно копчёного мяса висит. Заберись повыше, достань кусок окорока, свари — вот тебе и обед.

— Так высоко мне не забраться,— говорит Бобеш, немного приободрившись от того, что карлик

с ним так мирно беседует.

— Вот тебе лесенка, приставь к стене, а я придержу её.

Бобеш так и сделал, как ему карлик сказал: приставил лесенку и полез по ней. Когда он добрался почти на самый верх и до мяса оставалось уже только руку протянуть, карлик вдруг выдернул из-под него лесенку — Бобеш полетел вниз и убится насмерть.

Приходят Микеш с Кубой с охоты и видят: огонь в печке погас, а Бобеш за печкой дрыхнет.

— Бездельник чёртов, нет чтобы о товарищах позаботиться, только и знает, что храпеть! А ну-ка, вставай сейчас же! — закричал на него Микеш. Только Бобеш почему-то не хотел просыпаться, хотя они трясли его изо всех сил.

— А жив ли он? — засомневался Куба, потому что уж больно долго они его будили, а он всё не просыпался.

— Ну, если он мёртвый, придётся его воскресить! — сказал Микеш, полез в карман, достал оттуда пергамент и принялся читать. Не успел он его дочитать до конца, как Бобеш сперва зашевелился, а потом и вовсе встал.

— Что с тобой случилось? — стали расспрашивать его друзья.

— Не знаю, вдруг голова закружилась, — соврал им Бобеш, а самому было стыдно за то, что карлик его так легко одурачил. Ему поверили и без долгих разговоров приготовили ужин, поели и пошли спать.

Утром проснулись от холода, потому что кто-то ночью опять сдёрнул с них попону и она валялась далеко от постели. Удивились они, но так ничего и не поняли. Бобеш знал, в чём дело, но решил про себя: «Мне досталось от карлика, пусть же и вам достанется». Так ничего им и не сказал.

На другой день дома остался Куба. Развёл огонь, поставил на плиту воду — и вдруг видит перед собой какого-то карлика в красном плаще.

— Ты откуда взялся? Что тут делаешь? — спрашивает его удивлённый Куба.

— Зашёл я взглянуть, что ты собираешься варить на обед, — отвечает гость и смотрит на Кубу своими чёрными глазами.

— Ещё не знаю... Посмотрю, что друзья с охоты принесут.

— А зачем тебе их ждать? Вот там висит мясо, полезай наверх, бери и вари его!

— Высоковато, мне туда не забраться.

— Вот тебе лесенка, я внизу подержу её.

И Куба тоже попался на эту хитрость, как муха на липкую бумагу! Когда он был уже почти на самом верху, карлик выбил у него из-под ног лесенку — Куба полетел вниз и убится насмерть.

Воротясь с охоты, друзья увидели, что Куба лежит, как покойник.

— Вы словно глупые овцы! — воскликнул Микеш. Стали Кубу воскрешать, но он не поднимался

до тех пор, пока Микеш весь пергамент не прочёл. Куба тоже побоялся, как бы Микеш не стал смеяться над ним, и сказал, что с ним обморок случился.

На третье утро настал черёд Микеша хозяйничать дома. Перед уходом Куба попросил у Микеша пергамент — на всякий, мол, случай.

— Не бойтесь, у меня характер покрепче вашего! — ответил Микеш и, не тратя времени попусту, принялся за работу.

Не успел он развести огонь, как появился карлик в красном плаще. Только Микеш его ничуть не испугался и сразу же сообразил: «Так вот, значит, кто моих дружков до обморока доводил!»

— Что тебе тут надо, крот поганый?— обрушился Микеш на карлика.

— Да так, пришёл посмотреть, как ты обед варишь.

— А тебе какое дело?

— Ты вот ждёшь, когда друзья тебе что-нибудь принесут с охоты, а того не видишь, что в дымоходе копчёное мясо висит.

— Ага, теперь я всё понял, маленький поганец! Убирайся сию же минуту отсюда, а то я подвешу тебя за усы в дымоход и будешь ты у меня коптиться, чтобы больше людей не обманывал!

Но карлик не испугался, а разозлился.

— Ах ты, козявка! Уж не хочешь ли ты со мной тягаться? Ну, погоди, заморыш, ты у меня узнаешь, почём фунт лиха! — пригрозил ему Микеш.

Выскочил он из-за печки, схватил карлика за бороду и усы и рванул с такой силой, что они у него в руках остались.

И в тот же миг карлик превратился в безобразную старуху, погрозил Микешу и сгинул.

— По мне, хоть чёртом стань, я всё равно тебя не испугаюсь,— проворчал Микеш и сунул бороду с усами в карман.

Куба с Бобешем вернулись домой и очень удивились, что Микеш жив. А тот стал их ругать:

— Ах вы бабы трусливые! Что же вы мне про карлика ничего не сказали? Сколько силы у вас в руках и ногах, а вы с такой козявкой справиться не могли? Брошу-ка я вас тут и уйду один!

— Не оставляй нас и не сердись, брат. Не виноваты мы. У карлика глаз дурной. Как глянет на нас, проклятый, так уже и не справиться с ним. Хочешь не хочешь, а приходилось его слушаться. А что ж ты его не убил?

— Зачем же его убивать? Ему досталось так, что он надолго меня запомнит и шутки свои забудет... Узнаёте? — спрашивает он приятелей и показывает им бороду с усами — одной рукой придерживает, а другой гладит, гладит... В тот же миг перед ним появилась старуха и жалобно этак просит, чтобы он перестал гладить, потому что больно ей от этого. Хитрый Микеш тут же смекнул, что это ему, может пригодиться, и говорит ей:

— Ладно, только услуга за услугу. Запомни: если не хочешь, чтобы я тебя терзал, всегда делай

то, что я тебе велю.

— Всё буду делать, что в моих силах, голубчик! — отвечала старуха.

— Перво-наперво станешь прислуживать у нас за ужином, а про остальное я тебе после скажу.

Уселись приятели за стол, а старуха стала им прислуживать. Когда они наелись досыта, Микеш ей и говорит:

— Такие старухи, как ты, знают про всё, что на белом свете делается. Тебе-то уж точно известно, куда девались дочери короля, который соседними землями владеет.

— Не ведаю я про это, золотой мой!

— Э, нет, старая, говори! — С этими словами Микеш полез в карман за усами и бородой.

— Ах, не терзай меня! — стала умолять старуха, которая следила за каждым его движением. — Дочерей соседнего короля унёс дракон и спрятал тут, под этой пещерой.

— А как до них добраться?

— Идёмте со мной, я вам покажу дорогу, — сказала бабка и шагнула за дверь.

Куба и Бобеш отстали немного...

За дверью обнаружился вход в какую-то нору.

— Ах ты, Баба Яга! Ты думаешь, что я суслик и умею лазать по норам? А ну, живо тащи верёвку, чтобы я по ней мог спуститься вниз!

Старуха полезла в нору и тотчас же вернулась с верёвкой.

— Эй, храбрецы! — крикнул Микеш парням. — Коль уж вы ни на что другое не годитесь, так хоть верёвку подержите, пока я спущусь.

В норе было темно, как в пивной бочке. Чтобы узнать, какая под ним глубина, Микеш сперва бросил вниз свой посох и, когда услышал, как он ударился о дно, стал спускаться. Приятелям же приказал тащить его наверх, едва дёрнет за верёвку. Он быстро соскользнул вниз, оказался на дне и очень удивился тому, что там светло, а среди прекрасного сада стоит великолепный замок. Спрашивает он старуху:

— А кто же в этом замке живёт?

— Там живут обе дочери королевские, — отвечает старуха. — Только ты не доберёшься до них, пока не убьёшь двух львов да двух страшных змеев, что их караулят.

— Ну, этих-то я не боюсь!

— Зря ты думаешь, голубчик, что сделать это легко. Пока не ослепишь, посох твой их не возьмёт. Вот тебе свечка, бери и иди, да смотри, чтобы она у тебя не погасла. Подойдёшь к чудовищам, скажи: «Гори, свечка, что есть мочи, пусть ослепнут злые очи!» И чудовища ослепнут. Только после этого ты сможешь их своим посохом убить. Потом потихоньку, чтобы не разбудить дракона, выведи обеих принцесс. Дракон спит рядом, не дай бог, если он проснётся, — тогда всем вам конец!

Взял Микеш у старухи свечку и пошёл. Подходит он к самому замку, перед которым лежат два льва и два страшных змея с огненными глазами, и говорит:

— Гори, свечка, что есть мочи, пусть ослепнут злые очи! — И впрямь: очи кровожадных стражей тут же закрылись и Микеш убил их своим семисотфунтовым посохом и вошёл в замок.

Комнаты в нём были одна другой краше, а в самой что ни на есть роскошной на шёлковой кушетке сидели обнявшись, словно склонённые друг к другу розы, две юные девы. Увидев перед собой прекрасного юношу, они поняли, что он их избавитель.

— Сейчас же быстро и без шума идите за мной, а то нам отсюда благополучно выбраться не удастся,— тихо произнёс Микеш.

Слова эти для девушек прозвучали райской музыкой, и они двинулись за своим спасителем. Когда все трое подошли к верёвке, Микеш говорит им:

— По очереди лезьте наверх, а я за вами. Там мои приятели, вы их не бойтесь. Как только я отсюда выберусь, все вместе уедем к вашим родителям.

Тут он подёргал за верёвку, первая девушка ухватилась за неё — и Куба с Бобешем её вытащили. Точно так же вытащили и вторую. А когда Микеш собрался сам за верёвку ухватиться, тронула его старуха за руку и говорит:

— Дружки твои хотят тебя сбросить сверху. Как только ты полезешь, тут тебе и смерть — полетишь вниз и шею себе свернёшь. Если не веришь мне, привяжи к верёвке свой посох и убедишься, что я тебя не обманываю.

Микеш послушался её совета и привязал к верёвке посох. До верху уже оставалось совсем немного, как вдруг со страшным грохотом посох упал вниз. Старуха сказала правду. Если бы он ей не поверил, то не собрал бы ему своих костей. Предательство Кубы и Бобеша огорчило его больше, чем то, что он оказался пленником в подземелье. Ведь он им столько добра сделал, да ещё и двух красавиц подарил.

— Ну, попадитесь вы мне, обманщики проклятые, я с вами так рассчитаюсь, что сам чёрт не рад будет! — крикнул он им и погрозил кулаком в бессильной ярости. Потом вспомнил про старуху и набросился на неё:

— Ну, старая, скажи мне: как я теперь отсюда выберусь?

— Не выйдешь ты отсюда, если не захочешь и меня освободить. Я — младшая из трёх сестёр, которых похитил дракон.

— Что же ты мне про это не сказала раньше?

— Не смела. Меня заколдовал злой чародей, и стала я карликом. Суждено мне было оставаться им до той поры, пока кто-нибудь не вырвет у меня усы с бородой. Тогда я смогу помочь ему спасти своих сестёр. Сама же останусь здесь отвратительной старухой до той поры, пока освободитель моих сестёр не утопит в море того дракона, что вон там спит. Если бы ты тут случайно не остался, так и была бы я навеки зачарованной. Пожалей ты меня и освободи от злых чар!

— Как же мне такого дракона в море утопить? — спрашивает её Микеш.

— Я тебя научу. Или в замок, там у входа найдёшь бочку с мясом. Взяли её себе на плечи, свечку и посох возьми в руку, спрячься и жди. Когда приползёт дракон, ты вскочи к нему на спину. Дракон захочет тебя сбросить, но ты крепче держись. Тогда он взлетит вместе с тобой, и, как только начнёт реветь, кидай ему мяса в пасть и кидай так до тех пор, пока не увидишь море. Когда вы уже будете над морем, брось бочку вниз и скажи: надо, мол, за нею спуститься,— а сам вытащи свечку и произнеси заветные слова. Спустится дракон к воде — ты и ударь его посохом по голове. Тут он упадёт в море и утонет. Погибнет дракон — и тогда я стану такой же, какой была прежде. Все богатства, что есть в замке, достанутся мне. А чтобы ты смог меня узнать, когда воротиться, вот тебе перстень, разломи его пополам. Одну половинку возьми себе, а вторую отдай мне. Кто принесёт мне эту половинку, только тому я поверю... А теперь иди и делай так, как я тебе сказала.

Прощаясь Микеш со старухой, взял половинку перстня и отправился в замок. Спрятался он за колонной, в руке — посох и свечка, на спине — бочка. Стоит и ждёт дракона...

Прошло немного времени — приполз дракон. Шумит, ревет от голода, добрался до колонны — тут Микеш и вскочил ему на спину. Дракон взъярился, хочет седока сбросить, да никак не может. Тогда он поднялся в воздух вместе с Микешем. Стал Микеш швырять ему в пасть куски мяса и швырял до тех пор, пока бочка не опустела. Тут увидел он под собою море и бросил вниз пустую бочку. «Гори свечка что есть мочи, пусть ослепнут злые очи!» — произнёс Микеш и заставил дракона спуститься к воде, будто бы за бочкой с мясом.

Ослеплённый дракон всё же стал спускаться к воде. Тогда Микеш со страшной силой ударил его посохом, оглушил — дракон рухнул в море и утонул.

Откуда ни возьмись, в тот же миг появилась лодка, вскочил Микеш в неё и добрался до берега. Едва ступил он на землю, как лодка исчезла. А Микеш зашагал в ту сторону, откуда принёс его дракон. Миновал он города и леса, шёл через горы и поля, а пещеру и замок всё никак не мог найти.

Ладно, пусть он пока поищет их, а мы посмотрим тем временем, что стало с Кубой, Бобешем и принцессами.

Как вытащили они первую, стали её про всё расспрашивать. Пока вторую тащили, уговорились, что убьют Микеша. Принцессам пригрозили: не жить, мол, вам, если скажете, что освободил вас Микеш, а не Куба с Бобешем. Как сговорились, так и сделали. Думали, что Микеш убит, а про то, как ловко он их провёл, понятия не имели.

Принцессам Микеш был во сто раз милее, чем его жестокие и грубые приятели, но от страха девушки молчали, словно воды в рот набрали. Драгоценности принцесс Бобеш с Кубой почти все распродали, а что осталось, меж собой поделили.

Наконец явились они к родителям принцесс. Король, когда увидел дочерей целыми и невредимыми, очень обрадовался и освободителей их объявил своими сыновьями. Спросил и про Микеша, а те сказали, что пошёл он разыскивать третью принцессу, о которой не было ни слуху ни духу. Король хотел сыграть свадьбы как можно скорей, но дочери воспротивились и попросили, чтобы им дали год и ещё один день, чтобы к свадьбе подготовиться. Как они сказали, так король и порешил.

За тот год Микеш успел весь свет обойти. Забрёл он и в одну страну.

Показалась она ему знакомой. Уставший от долгих странствий, зашёл в трактир, сытно поел, запил обед вином и стал по привычке интересоваться, что нового в этих краях.

— А то новое,— отвечал ему трактирщик,— что в замке больше не живёт злой волшебник.

— А далеко ли до замка, где он раньше жил?

— С полчаса ходьбы. Волшебника никто не видел, но никто и не осмеливался к замку даже приблизиться, все обходили его стороной. Прошло много времени, и про него даже позабыли. А недавно разнеслась весть, что живёт теперь в замке молодая красавица и каждый, кто хочет, может зайти в замок без страха. Как случилась такая перемена, никто не знает. Каждый день в замок ходит много народу, только хозяйка его всегда печальна и задумчива. Женихов в замке перебивало без счёта, но всем им она отказала.

— Ну, а мне не откажет! — сказал Микеш, который сразу смекнул, кто она, эта красавица.

Взял он половинку перстня, что достался ему от старухи, и бросил её в чашу с вином. Подал чашу трактирщику со словами:

— Отнеси это вино красавице в замок и скажи: пусть она его выпьет за здоровье своего освободителя. Сделаешь как я велю — получишь от меня хорошее вознаграждение.

Не теряя времени, трактирщик взял чашу и отправился в замок. И часа не прошло, как перед трактиром остановилась богатая карета, и вышла из неё очень красивая молодая госпожа. Один только Микеш знал, что это та самая заколдованная старуха, сестра освобождённых им принцесс. На дне чаши она увидела половинку знакомого перстня и поспешила как можно скорей узнать о своём любимом, которого целый год ждала.

Невозможно описать её радость, когда, войдя в трактир, она увидела Микеша. От радости и у Микеша закружилась голова. А после того как красавица ласково поздоровалась с ним, он в душе поблагодарил своих коварных дружков за то, что они тогда бросили его в подземелье.

И был на другой день в замке пир, а на следующий день — свадьба, на которую трактирщика тоже позвали.

После свадьбы отправились Микеш с женой к её родителям. Очень тревожились молодые о сестрах. Надо сказать, что успели они вовремя. В столице, где правил отец-король, великое ликование: играла музыка, замок был весь украшен цветами, стены затянуты красным сукном.

— Что тут происходит? — спросил Микеш и узнал, что две королевские дочери выходят замуж за подмастерьев, которые спасли их от дракона. Молодые поспешили в замок, чтобы неправому этому браку помешать. Невесты, король с королевой обомлели от радости, а женихи остолбенели от ужаса, когда вслед за слугой в дверях появились Микеш с младшей принцессой.

— Это мой спаситель и муж! — сказала принцесса, когда родители и сестры выпустили её из своих объятий.

— И нас освободил тоже он, а не эти обманщики! — закричали тут обе старшие принцессы, осмелев при Микеше.

Не успели все, кто там были, обернуться к женихам, а уж их и след простыл. Едва они увидели Микеша, как тут же смекнули, чем всё это может для них кончиться, мигом вскочили на коней и удрали. Им никто не мешал, в погоню за ними тоже никто не пустился, и жалеть о них было некому. Все сели пировать, а через некоторое время сыграли две свадьбы, потому что обе принцессы нашли женихов себе под стать.

Потом Микеш поехал к своим родителям, привёз их в замок, и стали все там жить-поживать в своё удовольствие. Первого сына Микеша кормилица нянчила до тех пор, пока он поднял семисотфунтовый посох, что хранился как память в королевском арсенале.

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, МОСТОК

У одного вдовца была дочь. Часто, как это у деревенских девчат в обычае, ходила она на посиделки к дочери соседей прясть или ещё с какой-нибудь работой. Про соседку-вдову люди говорили, будто она колдунья. Но дочка соседа этому не верила, потому что к ней вдова была всегда добра: когда та заходила, разговаривала с нею ласково, а если, бывало, напечёт лепёшек или ещё чего вкусного, то обязательно угостит. Однажды, когда девочка, как всегда, пришла на посиделки, уселись подружки за прялки и стали прясть, соседка-колдунья повела такую речь:

— Эх, до чего ж, дети мои, хорошо было бы вам в одном доме жить. Почему бы тебе, девонька милая,— обратилась она к дочке соседа,— не сказать своему отцу, чтобы взял он меня в жёны? И ему было бы легче и мне, а вам ох как хорошо вместе было бы.

Девочка ничего на это не сказала, хотя и самой ей хотелось, чтобы подружкина мать стала ей мачехой.

Пришла домой и завела с отцом разговор:

— Отец, почему бы вам не жениться? И вам станет легче, и мне хорошая мачеха не помешает. Женитесь на соседке! Вот и будет у меня добрая мачеха.

— Ах, доченька моя,— отец ей в ответ,— о нашей соседке люди говорят, будто она колдунья. Какая же из неё мачеха?

— И всё-таки, отец, женитесь на ней, ко мне она добра, люди ведь могут всякое наплести.

Уговаривала дочка отца, уговаривала — и уговорила.

Женился он на соседке.

И вот что из этого вышло.

Свадьба ещё не кончилась, а мачеха была уже не та. К падчерице относилась несправедливо. Если и кормила её, то не как следует, а из одной миски с собакой. Лепёшки ей пекла из золы. Красивые платья забрала, а ей дала лишь старые поношенные платья родной дочки. Её колдунья не обижала, та расхаживала павой, каждый день ела жареные пышки, и лакомств у неё всегда были полны карманы. Как только изменилась мать к падчерице, так и дочь к своей подружке стала относиться плохо. Бывало, подойдёт вся разодетая, смеётся над нею и говорит:

— Видишь, какие я ем пышки? А тебе не дам! Видишь, какие у меня красивые платья? А у тебя что? Ничего! Одно тряпьё! Ага!

Бедняжка всякий раз плакала так, что сердце готово было разорваться.

Стоит она однажды у колодца и горько-прегорько плачет. Увидел её отец, подходит к ней и говорит:

— Вот видишь, девочка моя, верно говорил я тебе, что не будет она доброй мачехой. Ну, а

теперь, коль уж так получилось, терпи, на то воля божья!

— Ну, да уж ладно! Ничего, как-нибудь обойдётся. Пойду искать какую-нибудь службу, не пропаду! — отвечала заплаканная дочь, утешая и себя и отца.

Вскоре и на самом деле отправилась искать себе службу. Попросила мачеху, чтобы собрала её как полагается, но та лишь огрызнулась: как, мол, она её соберёт, если у неё нет ни приличного платья, ни рук, чтобы на него заработать.

Дала ей на дорогу несколько вываленных в золе лепёшек и больше ничего. Так и ушла девочка из дому в чём была, отправилась куда глаза глядят.

Шла она, шла и пришла к мостику.

— Будь счастлив, мосток! — поклонилась она ему приветливо.

— И тебе счастья, девочка! — поблагодарил её мостик.— Далёко ль собралась?

— Иду службу искать.

— Переверни ты меня другой стороной,— стал просить её мостик.— Люди уже столько лет всё по одной моей стороне ходят, и никто не хочет перевернуть меня на другую сторону. Переверни ты меня, а я в долгу не останусь.

Девочка перевернула мостик другой стороной и пошла дальше. Идёт она по дороге, и попался ей пёс — голодный, бедняга, грязный.

— Счастья тебе, пёсик! — говорит она ему с поклоном.

— И тебе, девочка. Куда идёшь, далеко ли?

— Иду службу искать.

— Почисть ты меня. Много народу тут прошло, только никто надо мной не сжалился. Почисть ты меня, я за это в долгу не останусь! — стал просить её пёс, и девочка хорошенько его почистила. А потом пошла дальше.

Приходит она к старой груше.

— Счастья тебе, грушенька!

— И тебе, девочка. Далёко ли идёшь?

— Иду службу искать.

— Стряси ты с меня груши. Стряси, я уже не в силах их больше держать, да никто мне помочь не хочет. Я в долгу не останусь!—стала просить груша.

Стрясла девочка с неё все плоды, и груше стало легче.

Идёт она дальше. Недолго шла. Приходит на луг, а там бычок пасётся.

— Счастья тебе, бычок! — поздоровалась с ним путница.

— И тебе, девочка. Куда идёшь, далеко ли?

— Иду службу искать.

— Отгони-ка ты меня с этого луга, я же столько лет тут пасусь, и никто меня не отгоняет. Отгони ты меня, а я в долгу, не останусь.

Отогнала девочка бычка с луга и пошла дальше. Идёт и видит: стоит печка, а в ней огонь горит.

— Счастья тебе, печечка!

— И тебе, девочка! Куда же ты идёшь, далеко ли?

— Иду искать себе службу.

— Выгреби ты из меня угли, уже столько лет они всё горят во мне и горят, и никто их не выгребаёт. Выгреби ты, а я в долгу не останусь.

Рядом стояла кочерга. Взяла девочка её, выгребла из печи угли и отправилась дальше.

Шла она через горы и долины, пока в один прекрасный день не пришла к одинокому домику в лесу.

В домике не оказалось никого, кроме старушки. А старушка-то была Баба Яга.

— Счастья твоему дому, хозяйка! — поздоровалась девочка.

— И тебе, девочка. Откуда ты тут взялась, куда идёшь?

— Иду службу искать, вот и пришла к вам спросить: не возьмёте ли вы меня к себе?

— Что ж, возьму! Глянь-ка: тут одиннадцать комнат, ничего другого тебе делать не надо, только их выметать. А вон там, видишь, двенадцатая? В неё не входи, даже заглядывать не смей.

— Как велите, так и сделаю,— ответила девочка. Отдохнула немного с дороги и тут же принялась за работу. Стала подметать она одиннадцать комнат, подметала каждый день, а заглянуть в двенадцатую ей даже в голову не приходило.

Однажды Баба Яга ушла куда-то. Девочка стала подметать комнаты. Подмела одиннадцать и задумалась: а почему ей в двенадцатую даже заглянуть нельзя? И решила она, что ничего худого не будет, если она только одним глазком глянет, ведь про это никто и не узнает.

Подумала так, поставила метлу в угол и стала тихонечко подходить к дверям двенадцатой комнаты. Подошла, приоткрыла — так, чтобы только одним глазом туда заглянуть. И увидела посреди комнаты три кадки. «Что бы там могло быть, в этих кадках?» — подумала она, а дверь всё больше и больше открывала, да так и очутилась внутри. Видит: в одной кадке — золото, в другой — серебро, в третьей — медь!

От удивления девочка ахнула, и тут словно кто-то подтолкнул её. Наклонилась она, да в первую кадку голову и окунула, а когда увидела, что волосы у неё стали золотыми, рученьки и ноженьки тоже в кадку окунула.

И тут спохватилась: что скажет Баба Яга, когда вернётся? Поняла она, что оставаться здесь дольше ей нельзя, быстро собралась и бросилась бежать. Хорошо это было, да не очень.

Баба Яга воротилась домой, увидела двери в двенадцатую комнату открытыми, а золото возле кадки разлитым, тотчас всё поняла, схватила железные гребни, вскочила на метлу — и вдогонку за девчонкой!

Догнала уж было её у печки, но печь пропустила девочку, а как только Баба Яга стала к ней подходить, развалилась и высыпала на старуху огонь. Метла тут же сгорела. А девочка успела убежать. Добежала она до луга, где пасся бычок. Баба Яга совсем было её схватила, но тут бычок за Бабой Ягой погнался и гонял её взад-вперёд до тех пор, пока девочка не убежала далеко. Это помогло, но мало — возле груши Баба Яга опять гналась за беглянкой почти по пятам. Груша подпустила к себе девочку, а когда Баба Яга под бежала, свалилась на неё всей своей тяжестью, так, что чуть кости ей не переломала. Пока та из-под дерева выкарабкивалась, девочка добежала до пса. Но Бабе Яге всё нипочём! Вот она уже совсем рядом и наверняка бы девочку схватила, не будь пёсика. Стал он у Бабы Яги на пути, набросился на неё, лаял, пока девочка не отбежала ещё дальше. Возле самого мостика она оглянулась, а Баба Яга уже её догоняет. Девочка прыгнула на мостик, перебежала его, Баба Яга тоже прыгнула, ан глядь — мостик переломился, и Баба Яга плюхнулась в воду. Еле выбралась оттуда.

Гнаться за девочкой дальше она уже не смела, могла только кричать на неё:

— Негодница! Жаль, что я тебя не поймала, я бы — во, гляди! — этими гребнями золото с тебя соскребла!

Златовласая девочка на неё даже не оглянулась и бежала почти до самого дома.

Когда она подходила к дому, петух, что сидел на дверном косяке, запел:

Кукареку, кукареку!
С косяка на петельку!
Идёт хозяйшкa домой с золотою головой!
А Баба Яга злая синяки считает!

Девочка остановилась и задумалась: идти домой или нет?

Домой она не пошла, а села у колодца, возле которого сживала прежде, и заплакала. Просидела она там долго. Вдруг её увидела мачехина дочка, узнала и побежала к матери:

— Мать, а мать, наша-то уже вернулась. Видела б ты её — вся золотая!.. Сидит там у колодца.

Мачеха тотчас туда побежала и увидела, что у падчерицы и волосы, и руки, и ноги — всё золотое. Стала ласково звать её домой, чтобы поскорее узнать, где это она столько золота нашла, и туда же послать свою дочь. Делать было нечего, пошла падчерица с нею. Как вошла она в комнату, так всё вокруг от красоты её засияло. Стала тут мачеха нахваливать её, словно бог весть как была рада её видеть, а свою дочь ругать:

— Вот как бывает, когда человек отправляется свет повидать и умеет служить, а ты ничего не умеешь, только дома сидеть! Отправляйся-ка и ты куда-нибудь — может, из тебя хоть что-нибудь получится!

— Да я что, я ведь готова идти, отчего же не пойти,— стала оправдываться её дочь,— только пусть она скажет мне, куда идти.

Падчерица охотно рассказала ей, куда идти. Мачеха приготовила дочке красивое платье, напекла ей вкусных лепёшек и отправила её.

Шла она, шла — и пришла к мостику, но не поклонилась, не поздоровалась. А когда мостик сам её попросил, чтоб его другой стороной повернула, она грубо ответила:

— Некогда мне с тобой возиться, у меня впереди долгий путь.— И пошла дальше, а мостик на другую сторону так и не перевернула.

Приходит к псу, голодному и грязному, и с ним тоже не здоровается. А когда тот попросил его почистить, она огрызнулась:

— Стану я об тебя, уродина, пачкаться! Меня ждет другая работа.

Когда она подошла к груше и та попросила страсти с неё плоды, девица даже не взглянула на беднягу и поспешила дальше. Бычок тоже просил отогнать его с луга, но она прошла мимо, словно и не слышала его. Подходит к печи, в которой непрестанно огонь горит и углей полно,— внимания не обращает и проходит мимо. А когда печь попросила, чтобы она выгребла угли, та даже не обернулась. Наконец пришла она к одинокой избушке в лесу, где Баба Яга жила. Входит и видит: сидит старуха за столом.

— Счастья твоему дому,— приветствует она.

— И тебе, девочка. Откуда ты тут взялась, куда идёшь?

— Я пришла спросить у вас: не возьмёте меня служить?

— Отчего же, возьму, я ведь тут одна. Смотри: каждый день будешь выметать вот эти одиннадцать комнат, а в двенадцатую и заглядывать не смей, а то худо будет.

— Ладно, хозяйка, ладно, буду делать, как ты велишь,— отвечала девочка и осталась там служить.

Какое-то время выметала она эти одиннадцать комнат, но однажды захотелось ей заглянуть и в двенадцатую. Ждала лишь случая, когда Баба Яга уйдёт из дома.

Однажды старуха ушла куда-то, девочка тут же отшвырнула метлу и поспешила к дверям двенадцатой комнаты. Открывает дверь, входит и видит: стоят три кадки, в одной — медь, в другой — серебро, а в третьей — золото. Как увидела она золото, ту же — топ! — прыгнула в него с головой да так в нём выполоскалась — хоть выжимай. Потом выскочила из кадки — и бегом домой.

Пришла Баба Яга — комнаты неметены, золото по земле разлито.

— Ну, погоди, расхочется тебе золота! — закричала Баба Яга, натянула сапоги семимильные, схватила железный гребень — и вдогонку за девчонкой.

Тем временем девочка добежала до печи, в которой всё время огонь горел, но печь перед нею развалилась и так обдала её жаром, что золото на ней стало плавиться.

Едва увернулась от одной беды, как попала в другую. Бычок, что пасся на лугу, не хотел её пропустить — гонял до тех пор, пока Баба Яга не прибежала. Тут же по беглянке железным гребнем провела, да так, что золото с неё слетело. Нагнулась Баба Яга, чтобы собрать его с

земли — тут девчонка и убежала. Подбегает к груше, а груша на неё свалилась. Пока она из-под дерева выбиралась, Баба Яга опять её догнала и снова с неё золото стала соскабливать. За то время, что она с земли его подбирала, девочка добежала до пса, но тот залаял, набросился на неё и не хотел пропустить, и Баба Яга успела её догнать. В кровь голову и тело девочки изодрала, пока последнее золото соскребала. Бедняге опять удалось выбраться. Она была уже на мостике, но, на беду, мостик переломился — и неудачница свалилась в воду. Баба Яга кинулась за нею с гребнем и счесала всё золото до последней крупинки. Что не взял гребень, смыла вода.

Еле живая, насквозь промокшая, вся исцарапанная, вылезла девочка из воды и побрела домой.

Когда она подошла к дому, петух с косяка двери запел:

Кукареку! Кукареку!
С косяка на петельку!
Бредёт хозяйшкa домой с изодранной головой.
А Баба Яга злая золото считает.

Идти в дом она побоялась, села у колодца и стала причитать:

— Вот так дослужилась я! Вот что заработала!.. Что же мне, несчастной, мать скажет?

Услышала это колдунья и узнала дочь по голосу. Обрадованная, стала звать её в дом:

— Да заходи же, девочка моя! Что ты там сидишь? Иди да расскажи нам, что и как ты заработала.

Пришлось ей войти в дом. И тут увидела мать её исцарапанное тело, мокрое платье и ужаснулась.

— Ну и дослужилась, дочка! Видно, хорошо же ты себя вела, негодная девчонка! — ругала она дочь и с той поры видеть её не хотела.

Падчерица вскоре вышла замуж за молодого, богатого пана, и жилось ей очень хорошо, потому что была она скромная и добрая. А дочку колдуньи так никто и не захотел взять в жёны.

НАКАЗАННАЯ ГОРДЫНЯ

В королевский замок пригласили художников, чтобы они нарисовали портрет короля Мирослава. Молодой этот король собирался жениться. Немало принцесс и княжон прислали ему свои портреты, но лишь одна из них была такой красоты, что Мирослав влюбился с первого взгляда и никого, кроме неё, видеть своей женой и королевой не хотел. Потому теперь его рисовали, чтобы он мог послать ей портрет и просить её руки.

Когда художники явились, король сказал им так:

— Достопочтенные господа мастера! Вы приглашены затем, чтобы каждый из вас нарисовал мой портрет. Однако я не хочу, чтобы вы приукрашивали мою внешность, скорее наоборот: пусть на портрете я буду хуже, чем на самом деле.

— Зачем нам тебя, повелитель и король наш приукрашивать? — отвечали художники. — Мы будем рады, если кисти нашей под силу будет изобразить то, что есть в действительности!

Они принялись за работу, и вскоре несколько королевских портретов было выставлено в зале. Король вместе со своим королевским советом пришёл посмотреть их и решить, какой больше подходит для того, чтобы послать его невесте.

— Я думаю, милостивый король,— сказал ему один из придворных,— что лик ваш все эти портреты превосходит, ибо ни в одном из них нет полного сходства с вашей милостью.

— Я и не желал, чтобы меня нарисовали точно. Думаю, что принцесса не станет гневаться, если на самом деле я окажусь немного лучше, чем на портрете.

Он выбрал портрет, который понравился ему меньше других, велел вставить его в раму с драгоценными камнями и послал своих придворных с портретом и дарами к отцу прекрасной принцессы просить её руки.

Слов нет, чтобы выразить нетерпение, с каким он ждал возвращения послов. Спустя несколько недель они вернулись печальные и огорчённые, так что Мирослав ничего хорошего услышать от них и не ожидал.

— Повелитель и король наш! — сказали послы, представ перед Мирославом.— Неслыханное оскорбление нам нанесли, и мы боимся поведать всё вашей милости.

— Что бы там ни было — говорите.

— Король принял нас благосклонно и гостеприимно, и весь двор радовался тому, что ваша королевская милость хочет жениться на принцессе Красомиле. На следующий день отправились мы к принцессе выразить своё почтение. Никому ещё не было позволено коснуться её руки, так что и мы смели лишь поцеловать край её одеяния. Надменно взглянула она на портрет вашей милости и, возвращая его нам, сказала: «Король, изображённый здесь, не достоин даже обуть мне завязывать». От такого позора кровь вскипела в нас, но старый король умолял утаить случившееся, говорил, что сам многое вынужден от дочери сносить; быть может, всё уладится и принцесса даст своё согласие. Однако мы сочли, что такая королева не может быть вашей женой и хорошей правительницей для своих подданных. Мы уехали, не слушая уговоров.

— Это было мудрое решение, я вполне доволен посольством. Об остальном я позабочусь сам,— ответил король, но лицо его пылало гневом при мысли о высокомерной принцессе.

Долго размышлял он, что теперь делать, пока наконец не нашёл выход, который показался ему самым лучшим. Он позвал своего старого советника и управителя, ему единственному поверил свой замысел, и тот его одобрил.

На другой день в замке было оживлённо — король собирался в дальний путь. Управление страной он передал своим советникам, а замком — старому управителю. На третий день он выехал из замка. На границе своего королевства отослал свиту со всем, что было, обратно и, взяв кое-что из одежды да деньги, дальше пошёл один.

Был тёплый весенний день, принцесса Красомила прогуливалась по саду, прекрасная, как богиня Лада, только лицо — словно роза без аромата, словно сад, не согретый солнечными лучами. А душа у неё была добрая. Нередко плакала она над горем бедняка, щедро раздавала милостыню. Но близко подойти к ней никто не смел. Многие добивались её руки — она, однако, всеми пренебрегла. Старый король часто укорял её за безмерную гордыню. Однако на это она ему отвечала:

— Мой жених красотой, величием, мастерством и благородством должен всех остальных превосходить, иначе он никогда моим мужем не будет.

Однажды, когда она прохаживалась по саду, приходит к ней отец и говорит:

— Дочь моя, я взял на службу молодого человека и назначил его старшим садовником. Только показался он мне очень образованным для такой должности. В садоводстве он разбирается так же хорошо, как и в грамоте, а кроме того, знает музыку. Удивило меня это, и я с радостью принял его ко двору. Ведь такого образованного человека нет у нас в королевстве. Что ты об этом думаешь?

— Ничего не могу сказать, поскольку я его не видела. Думаю, ты правильно сделал, отец, потому что такой человек при дворе будет как бриллиант. Если он и вправду так обучен музыке, как ты говоришь, а кроме того и нрава благородного, он бы мог поучить меня игре на арфе. Вели позвать чужеземца.

Король знал, что она это скажет. Принцесса вошла в беседку, куда тут же явился и Мирослав.

— С глубочайшим почтением, милостивая госпожа, жду ваших приказаний,— молвил Мирослав, низко склонил голову и поцеловал край её роскошного платья. При этом он глянул на принцессу так, что зарделась надменная принцесса и опустила взгляд свой на розу, которую только что сорвала в саду. Не ведала она, какая беда притаилась в только что распустившемся бутоне. В лепестках, словно завёрнутое в розовые пелёнки, сидело маленькое жестокое божество, натянув тетиву лука, готовое выпустить стрелу, отравленную сильнейшим ядом. И стоило Красомиле опустить взгляд свой на розу, как божество выпустило стрелу — и принцесса ощутила боль в сердце, от которой нет на свете никаких лекарств.

— Как вас зовут? — спросила она юношу приветливым голосом.

— Мирослав,— отвечал тот.

— Отец мне сказал, Мирослав, что вы знакомы с музыкой, а я уже давно хотела, чтобы у меня был учитель, который поучил бы меня играть на арфе.

— Если скромных моих способностей окажется достаточно для того, чтобы учить вас, я сочту себя счастливым.

— Об остальном вам сообщит король,— ответила на это принцесса и жестом дала понять, что чужеземец свободен. Но ещё долго потом Красомила не понимала, что с нею происходит. В голове шумело, какие-то голоса что-то нашептывали, куда-то манили, в душе звучала сладостная музыка, а на сердце было так хорошо, как будто после долгой, тёмной ночи первый раз выглянуло солнышко и она настежь распахнула ему свою душу.

Послышались шаги. Красомила очнулась от грёз. Вошёл король.

— Ну,— спросил король,— годится Мирослав тебе в учителя?

— Я предложила ему заниматься со мной, а вот когда начать занятия, как раз об этом я сейчас и думаю.

— Делай так, как тебе угодно. Я же, когда слышу имя его, вспоминаю короля Мирослава и со страхом думаю, что не стерпит он твоего оскорбления и объявит мне войну. Ах, дочка, большую ошибку ты тогда совершила.

— Не мучай меня, отец! Я была бы несчастной, если бы мне пришлось выйти за того короля. Я ни в чём не раскаиваюсь.

Задумался король, огорчился.

На следующий день уроки начались.

Мирослав был усердным учителем, а Красомила — прилежной ученицей, и ледяная корка, сковавшая её сердце гордыней, таяла день ото дня. Придворные всё чаще шептались меж собой: «Что это с нашей принцессой случилось? Никогда раньше коснуться её руки никто не смел, а теперь она позволяет Мирославу целовать ей руку на прощание!»

Любовь смирила её гордыню. Мирослава при дворе полюбили, а больше всех — Красомила, хотя и не хотела в том самой себе признаться. Приходя в сад, надменно приветствовала главного садовника, но садилась только на скамейку или же в беседку, которую ради неё Мирослав велел сделать за одну ночь. Такая забота не могла не трогать её, и она была благодарна за почтение к ней. Они обменивались несколькими словами, завязывался разговор. У принцессы всегда было много вопросов и распоряжений.

А с учением было так: иногда она капризничала, и слуга сообщал учителю, что у принцессы нет желания заниматься. Вскоре каприз проходил — и слуга бежал к учителю и просил его прийти. Частенько, чтобы суровое лицо его просветлело, она подавала ему руку для поцелуя. Такой чести не удостоивались даже самые высокородные дворяне.

Вечерело, принцесса сидела у открытого окна, играла на арфе и напевала, Мирослав — возле, взгляд прикован к её лицу, позолоченному лучами заходящего солнца. Неожиданно она перестала играть и подала арфу учителю.

— Если милость ваша позволит, теперь спою свою песню я,— произнёс Мирослав. Красомила согласилась.

И он запел. Как он пел! Вскоре Красомиле уже казалось, будто слышит она перезвон серебряных колоколов, зовущих вдаль; потом вдруг — будто манит её нескончаемая соловьиная трель, зовёт под тенистую сень деревьев. Солнце опускалось за высокую гору.

Последний луч его проник в окно и сорвал остатки ледяного покрова, который всё ещё, словно тонкая паутина, держал сердце надменной принцессы в своих путах. Тихо склонилась она к Мирославу, и слеза её скатилась ему на руку.

Как бы не замечая этого, Мирослав произнёс:

— Это была прощальная песня, моя королева! Завтра я должен уйти.

— Что ты говоришь, Мирослав? Ты не смеешь уйти отсюда, нет, нет! — воскликнула Красомила с дрожью в голосе и схватила Мирослава за руку. В тот же миг открылась дверь, и порог переступил король.

— Значит, он тот, кого ты любишь? — холодно спросил отец у застигнутой врасплох дочери.

— Да, отец, я люблю его,— гордо ответила Красомила.

— А известно ли тебе, что ему недостаёт одной из тех доблестей, которые ты для своего будущего мужа считаешь обязательными?

— Я знаю, что Мирославу недостаёт благородного происхождения, но я люблю его несмотря ни на что.

— Ну, что ж, хорошо, пусть в таком случае он станет твоим мужем сей же час. Но в замке моём ты дольше не останешься. Я не хочу быть посмешищем.

— О милостивый король! — воскликнул тут Мирослав. — Я не могу позволить, чтобы принцесса из-за меня была несчастна. Я уйду отсюда, и пусть всё будет забыто.

Но король на слова его не обратил внимания. Вскоре он привёл своего духовника, и через какой-нибудь час Красомила, гордая принцесса, стала женою бедняка Мирослава. Стоя в самом простеньком своём платье перед замком, она мысленно просталась с отцом.

Он сурово обошёлся с нею и прогнал её из дому, как бедную служанку. Однако она собралась с духом, взяла своего мужа за руку и села с ним в повозку, которая должна была отвезти их на границу королевства.

Там сошли они с повозки и дальше продолжали путь пешком.

— Жена моя, душа ты золотая, — говорит Мирослав Красомиле, — что ж мы теперь делать будем? Хотя и есть у меня в столице при дворе брат и устроиться на службу он мне поможет, но до той поры нужды нам не избежать.

— Немного денег у нас ещё есть, а пока — буду работать на других, помогать тебе, — утешала Красомила опечаленного мужа, хотя и у неё самой на сердце было нелегко.

В ближайшем городке Мирослав нанял повозку, чтобы не привыкшей к ходьбе жене не пришлось идти пешком.

Приехали они в столицу королевства, Мирослав снял маленькую комнатку и поселился в ней с Красомилой. Все её дорогие платья они продали и купили попроще, даже единственный перстень, который был у Красомилы на руке, и тот она вынуждена была продать.

— А теперь, — сказал Мирослав, — я пойду поищу тебе работу, а себе службу, брат обещал помочь.

Ушёл он и в полдень вернулся с небольшим узелком. Развязал его, вынул дорогую ткань и немножко фруктов.

— Глянь-ка, душа моя, вот принёс я тебе работу, за неё хорошо заплатят. Фрукты нам брат дал. О жена моя милая, как я мог тебя, королевскую дочь, в такую бедность ввергнуть? Ты привыкла ко всякой роскоши, а теперь вынуждена на других работать и жить в нужде. О я несчастный! — горевал Мирослав и целовал руки своей жены.

— Почему ты горюешь, — Красомила ему в ответ, — ведь я сама так захотела. Твоя любовь мне за всё награда.

Взяла она тонкий батист, что принёс Мирослав, и принялась за работу. Шила старательно, не отдыхая даже ночью, и лишь отрывалась на то время, пока готовила еду мужу. Когда всё было готово, пошли они с Мирославом отдавать работу. Дом, который Мирослав ей показал, был прекрасен, слуга повёл её через богато обставленные комнаты к горничной. До чего же ей было тоскливо, когда горничная стала разглядывать работу, а потом к чему-то придралась и хотела меньше ей заплатить. Щёки её запылали, и на глаза навернулись слёзы. Вдруг двери

отворились, и вошла важная дама, спросила, в чём дело, взглянула на работу и велела заплатить портнихе сколько следует. Красомила поклонилась и заспешила вон из дома. Мирославу ни слова не сказала о том, что с нею приключилось, только подумала, что, наверно, и её собственные горничные проделывали то же с несчастными портнихами. Дня через два Мирослав предложил ей работу у одной благородной дамы. Красомила была согласна и отправилась к этой госпоже в услужение. Госпожа оглядела её с головы до пят, потом спросила, что та умеет делать, а когда Красомила рассказала, дама велела ей остаться на два дня для испытания.

До чего же горькими оказались эти два дня! Она на себе убедилась, сколько же бедной служанке приходится терпеть от капризов благородных дам, как пренебрежительно они с нею обращаются. Надо было госпожу наряжать, всё время бегать: то принеси, это унеси. А какой крик поднимался, если один завиток волос был не такой, как другие! Вынести это Красомила не смогла и через два дня вернулась домой.

— Знаешь, какие у нас новости, жёнушка? — спрашивает её Мирослав несколько дней спустя. — Наш король привёз невесту, и завтра в замке будет большой пир, во время которого он представит её своим придворным. Приглашают много поварих и поваров, и за один этот день каждый из них получит по несколько дукатов. Послушай, а не пойти ли и тебе? Ты ведь готовить умеешь, а работы там будет немного.

— Почему бы и нет, пойду. Несколько дукатов за день так просто не заработать, — отвечала Красомила.

Рано утром она оделась, платок повязала как простолюдинка и отправилась с мужем в королевский замок.

— Я тем временем тоже поищу какой-нибудь заработок, а вечером, как всегда, за тобой приду, — сказал Мирослав и ушёл из кухни, куда он привёл жену.

Красомила охотно принялась за работу, которую главный повар определил ей на весь день. Всё шло как положено, уже и гости стали съезжаться, у замка собралась бесконечная вереница карет. Красомила как раз бежала по коридору, когда дорогу ей загородил пан. Одежда его так сверкала золотом и серебром, что его самого рассмотреть было невозможно.

— Прошу вас, — обратился он к Красомиле, — позовите кого-нибудь, чтобы мне туфлю завязали.

Красомила бросила на него взгляд, по платью решила, что это король, нагнулась и сама завязала ему туфлю. Король поблагодарил её и удалился. Вскоре приходит королевский слуга и спрашивает, где та кухарка, что королю туфлю завязывала, пусть идёт в верхние покои к горничной. Красомила пошла, как было велено.

Входит она к горничной, та кланяется ей и просит пройти в следующие покои. Удивлённо разглядывает Красомила богато обставленные комнаты, где всё ей напомнило родной дом. Покои эти, видно, были обставлены для хозяйки, и Красомила подумала, что тут наверняка будет жить молодая королева, а что ей здесь делать, она всё никак понять не могла. Так пришла она в гардеробную, где на больших столах лежали роскошные платья, а на маленьких столиках — всевозможные драгоценности.

— Выберите себе платье и драгоценности к нему. Я вас одену. Наш король за любезность, которую вы ему оказали, хочет пригласить вас на танец, — говорит ей горничная.

— Господи! — испугалась Красомила. — Что скажет мой муж? Я танцую с королём! Нарядиться

в такое платье? Нет, нет! Этого я делать не стану!

— Даже если об этом попрошу тебя я? — спросил голос за её спиной, и она увидела рядом с собой короля и узнала в нём своего Мирослава.

Красомила испугалась, а потом с огорчением спросила:

— Зачем же ты всё это сделал, для чего так со мною поступил?

— А помнишь, с каким ответом ты отослала моих придворных и мой портрет? Тогда я поклялся наказать тебя за гордыню. Отец твой поддержал меня, а любовь твоя мне в этом помогла. Но я бы не мучил тебя так долго, если бы мне не приказал твой отец. Я страдал вместе с тобой.

Тут отворились двери, и вошёл старый король. Они сердечно обнялись.

— Хотя это испытание и было горьким, но поверь мне, дочка, оно пойдёт на пользу и тебе и твоим детям, — сказал отец.

Новая королева в богатом одеянии, украшенная королевской диадемой, всем гостям приглянулась по душе: красивая, приветливая и добрая.

С гордо поднятой головой повёл Мирослав любимую жену в зал, и все, кто там были, ликуя, приветствовали молодую королеву.

ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК

Жил однажды один пан, и был он несметно богат. Но что проку с того? Для чего всё это богатство, если не было у него сына, которому мог бы всё оставить в наследство? Да и был пан уже немолод. Каждый день ходил он со своей женой в храм молиться, чтобы бог послал им сына.

Наконец жена сказала, что у них будет ребёнок, а перед тем как ему появиться на свет, увидел пан во сне: родится мальчик, но до двенадцати лет нога его не должна коснуться земли, иначе он тут же исчезнет.

И вот родился мальчик, красивый, ладный. Пан тотчас же нанял девять нянек, которые по очереди должны были его нянчить, и строго наказал им, чтобы ребёнок не смел касаться земли.

Няньки приказ пана честно выполняли. Мальчику оставалось всего несколько дней до двенадцати лет, а земли он ещё не касался. Всё время его либо на руках носили, либо в золотой колыбели качали.

Пан уже начал делать приготовления к званому обеду по случаю избавления своего любимца от тяжкой доли. Вдруг во дворе раздался страшный крик. Нянька, та, что мальчика на руках держала, очень уж любопытная была — забыла про свои обязанности, поставила мальчика на пол, а сама побежала к окну, посмотреть, что случилось.

Крик утих.

Нянька хотела взять мальчика обратно на руки и... о ужас! Мальчика в комнате не было. Вспомнила она тут приказ хозяина. Бедняжка так плакала и рыдала, что сбежались все домочадцы. Прибежал и пан, в страхе стал спрашивать, что случилось, где мальчик.

Дрожа как осина, нянька рассказала, что произошло.

Пан очень опечалился, что счастье его так неожиданно рухнуло. Тотчас же разослал слуг на все стороны искать мальчика. Приказывал, просил, золото сыпал, как мякину, только бы его отыскали. Искали мальчика долго, но так и не смогли найти, он словно в воду канул.

Через какое-то время заметил опечаленный пан, что в одной из самых красивых комнат его дома каждую ночь ровно в полночь раздаётся какой-то шум и плач. Долго он слушал — шум и плач не прекращались; захотелось ему знать: что бы это могло быть? У него даже мелькнуло в голове: уж не пропавший ли это сын?

Тогда пан объявил, что даст триста золотых тому, кто проведёт в этой комнате ночь.

Нашлось немало таких, что были согласны. Но как только близилась полночь, все они пугались и убегали, рассудив, что не стоит за триста золотых жизнью рисковать. Так и не мог пан узнать, что происходит в той комнате.

Неподалёку от панского двора жила вдова мельника с тремя дочерьми. Жили бедно, едва сводили концы с концами. Слухи о шуме, плаче и о трёхстах золотых дошли и до их халупки. Тогда старшая дочь говорит матери:

— Матушка, может, хватит нам горе мыкать? Попытаю я счастья, пойду покараулю одну ночь, вдруг что и узнаю. Ведь триста золотых нам пригодятся.

Мать покачала головой, поразмыслила и позволила дочери пойти к пану.

И вот пошла старшая дочь мельничихи к богатому пану и сказала ему, что она согласна пробить ночь в комнате.

— Ты хочешь караулить? Что ж, девочка, попробуй счастья.

— Ладно, попытаю, только будьте так любезны, прикажите, чтобы мне дали немного снеди, я бы приготовила себе ужин, а то мне есть хочется,— попросила девушка.

Пан тотчас же приказал, чтобы ей принесли чего-нибудь для ужина. Девушка взяла всё, что необходимо, набрала дров, зажгла восковую свечу и отправилась в отведённую ей комнату. Там она развела в печи огонь, поставила варить ужин, накрыла стол, постелила постель и за всеми этими делами не заметила, как время прошло.

Пробило двенадцать. Тотчас в комнате раздались шум и плач. В страхе девушка заглянула во все углы, но нигде никого, чисто всё как на ладони, а оно продолжает шуметь и плакать. Вдруг всё смолкло, и перед нею появился юный красавец. Спрашивает он её приветливым голосом:

— Кому это ты готовишь?

— Себе,— отвечает она.

Опечалился юноша и спрашивает её немного погодя:

— А для кого это ты стол накрыла?

— Для себя! — отвечает.

Красавец ещё больше опечалился, в серых его глазах сверкнули слёзы.

— А кому это ты постелила? — спросил он её напоследок.

— Себе! — ответила девушка, как и прежде. Тут юноша заплакал и исчез.

Утром мельничихина дочка пересказала пану всё, что видела и слышала, но о том, как ответы её юношу опечалили, умолчала. Пан ей триста золотых отсчитал, радуясь, что хоть что-то узнал.

На следующую ночь караулить отправилась средняя сестра, а старшая научила её, что делать и как отвечать. И она сделала всё так, как её учили.

Сперва пошла к пану, а когда тот ей разрешил ночевать в комнате и велел принести для неё всё необходимое, чтобы приготовить ужин, она взяла, что ей было нужно, и ушла в ту комнату. Развела огонь, поставила варить еду, накрыла стол, постелила постель и стала ждать полуночи.

Когда юноша появился и стал спрашивать: «Для кого накрыла? Для кого готовишь? Для кого постелила?» — она на всё отвечала: «Для себя, для себя, для себя». Юноша, как и накануне, заплакал и исчез. Утром девушка пану всё рассказала, только промолчала о том, как юношу опечалили её ответы.

Так же, как и сестра, она получила триста золотых.

На третий день говорит младшая:

— Эх, сестры мои дорогие, коль уж вам так повезло и вы по триста золотых принесли, пойду-ка и я попытаю счастья.

Самую младшую дочь мать любила больше всех, но раз со старшими ничего не случилось, разрешила пойти и этой. Младшая так же, как и сестры, взяла кое-что из еды и отправилась в комнату. Там развела огонь в печи, поставила варить ужин, стол накрыла, постель постелила и в страхе и надежде стала ждать полуночи.

Пробило двенадцать, в комнате послышался шум, раздался плач. Девушка заглянула во все углы — нигде никого.

Вдруг всё стихло, и перед ней оказался красивый юноша и спросил приветливым голосом:

— Кому это ты готовишь?

Сестры говорили ей, как она должна отвечать, но когда она глянула на юного красавца, то подумала: хуже не будет, если она и по-другому ответит.

— Так кому же это ты готовишь? — снова спросил юноша, на этот раз уже нетерпеливо.

— Себе... но если ты голоден, то и тебе, — ответила девушка.

Печальное лицо юноши стало проясняться.

— А для кого это ты стол накрыла?

— Для себя... Но если и тебе хочется поужинать, то и для тебя.

Лёгкая улыбка мелькнула на лице юноши.

— А кому это ты постелила? — третий раз спросил он.

— Себе... но если ты хочешь спать, то и тебе.

Тут юноша обрадовался, захлопал в ладоши и говорит:

— Хорошо, очень хорошо, что всё это ты и для меня приготовила. Только немножко погоди, пожалуйста, я должен проститься со своими друзьями, которые всё это время меня опекали.

По комнате вдруг повеял тёплый ветерок, посреди открылся глубокий ход, и юноша стал в него медленно спускаться. Девушке захотелось узнать, куда это он идёт, она ухватила его за полу курточки и стала спускаться вместе с ним. Видит: справа золотая река течёт, слева — золотые холмы, а между ними — зелёный луг, покрытый цветами.

Юноша шёл впереди, а девушка — потихоньку, чтобы он её не видел, — за ним. На лугу он склонялся над цветами, касался их, какие-то слова говорил.

Пришли они к золотому лесу. Из него навстречу им вылетело множество всяких птиц. Они звонко пели, кружились над юношей, садились ему на плечи, на голову. Он разговаривал с ними, нежно гладил их. Девушка тем временем отломала золотую веточку и завернула её в платок, на память. Из золотого леса они пришли в серебряный, к серебряным холмам. Когда они к лесу стали приближаться, навстречу им выбежало много-много разных зверей. Они кинулись к юноше, скакали вокруг него, а он каждого погладил и приласкал, каждому ласковое слово сказал. А девушка отломала серебряную веточку. Ей вдруг пришло в голову: кто знает, может, сестры не поверят, когда им станет рассказывать, где была и что видела.

Простившись так со своими друзьями, юноша пошёл обратно той самой тропинкой, по которой пришёл, а девушка — опять потихоньку за ним. Когда они добрались до входа, девушка ухватила его за полу курточки и вместе с ним оказалась в той же комнате, из которой они недавно ушли.

Пол за ними сомкнулся.

— Ну вот, я и попрощался! Можно поужинать, — сказал он, а девушка бросилась к печи и начала ставить на стол всё, что приготовила.

Они сели, сытно поужинали, и юноша говорит:

— А теперь можно и спать ложиться!

Они удобно устроились на разостланной постели, девушка же положила между ними веточки, что принесла с собой: серебряную и золотую.

Оба быстро уснули.

Настал день, солнце уже поднялось высоко, а мельничихина дочка не появлялась. Пана одолевало нетерпение, он подождал ещё немного. «Не приключилось ли с нею недоброе», — подумал пан и пошёл взглянуть.

Невозможно описать его радость, когда, открыв дверь, он увидел спящими своего пропавшего сына и дочку мельничихи! Обрадованный пан велел созвать всех соседей, чтобы и они радовались вместе с ним.

Юноша увидел возле себя две веточки, спросил у девушки:

— Разве ты была со мною там, внизу? Ну, уж коли так, то знай, что ты меня освободила от заклятья. А из двух веточек станут для нас два замка.

Взял веточки и бросил в окно. В тот же миг они превратились одна в серебряный, другая — в золотой замок, в которых потом младшая дочь мельничихи с молодым красавцем паном жила, и если не умерла, то живёт там и по сей день.

ПРО УМНУЮ ПРИНЦЕССУ

Два подмастерья ходили по свету. Однажды пришли они к красивому замку и через забор стали смотреть в сад, где прогуливалась красавица принцесса.

— Боржек, знаешь, чего бы я хотел? — спрашивает приятеля один из них, молодой красивый деревенский парень.

— Может, стать хозяином этого замка, а? — отвечает Боржек.

— А вот и нет! Не угадал! Я бы хотел жениться на этой принцессе.

— Иржик, у тебя губа не дура. Я подумал об одном, а ты сразу и про принцессу и про замок. Не разжигай зря аппетит, идём-ка лучше своей дорогой, нам ещё далеко шагать.

— Боржек, я бы чёрту душу отдал, чтобы заполучить эту девушку.

— А я бы не отдал, — ответил Боржек и стал тащить Иржика от забора. Добрались они до прохладной дубравы неподалёку от города, прилегли в тени отдохнуть. Боржек уснул тотчас же, как прилёг, а Иржик, хоть убей, никак не мог уснуть, всё думал о красавице. И в это время проходил мимо молодой человек, одетый во всё зелёное, и остановился около него.

— Доброго здоровья, молодец, куда идёте? — спрашивает он и Иржика.

— Да так, ходим по свету, только я уже сыт по горло, наслужился.

— Охотно верю, лучше всего быть господином.

— Конечно же, лучше, да ведь все хотят господами стать.

— Что ж, иногда это зависит всего лишь от желания.

— Если бы всё зависело от одного лишь желания, тогда желаний было бы хоть отбавляй! Я бы, например, хотел жениться на принцессе из ближайшего замка и даже готов чёрту душу отдать, только бы её заполучить.

— Ты это всерьёз?

— Всерьёз, всерьёз.

— Желание твоё исполнится. Я — чёрт, и если ты мне продашь душу, то через четверть часа станешь богатым принцем и сможешь поехать к принцессе, которая тебя полюбит и выйдет за тебя замуж. Вот перо, бумага — уколи мизинец и распишись кровью.

Иржик, не раздумывая, взял колючку, уколол мизинец и кровью написал чёрту расписку.

— Теперь ты в моей власти. Через сколько же лет я должен за тобой прийти?

— Ну, я думаю, лет через двадцать. Если столько лет меня будет любить красавица принцесса и проживу я их в своё удовольствие, то охотно пойду с тобой.

— Ну, хорошо, вот тебе полный кошелёк дукатов.

Сколько бы ты их ни брал, он всегда будет полным. Развяжи свой мешок, там твоя одежда. Переодевайся, за лесочком тебя ждут слуги и осёдланный конь. Садись на него, поезжай к замку, назовись каким-нибудь принцем или князем.

— Но ведь я не умею говорить так, как говорят принцы, все сразу же догадаются, что я не князь.

— Об этом не печалься, ты будешь уметь всё, о чём только подумаешь. И все тебе будут верить. Ну, иди, пока твой приятель не проснулся.

Сказав это, чёрт исчез, а Иржик развязал мешок, нашёл там богатую одежду и стал переодеваться. По-том отправился за лесок — оттуда уже ехали ему навстречу разодетые слуги, ведя в поводу резвого коня. Иржик вскочил на него так ловко, словно прошёл школу у самого лучшего конюшего, и направился к замку.

Тем временем Боржек проснулся и, не увидев Иржика, решил, что тот ушёл вперёд. Собрал он свои вещи и заспешил дальше. Ну и пусть себе идёт, куда хочет, а мы тем временем глянем, что происходит в замке.

Молодая принцесса была ещё в саду, когда Иржик приехал в замок. Королю представился принцем и попросил у него приюта.

Король принял его с большим почтением, для него тут же стали готовить комнаты, и слугам было велено перенести в них вещи, которыми Иржика чёрт снабдил. Накрыли роскошный стол, Иржик нарядился во всё золотое, чтобы понравиться принцессе, и, надо сказать, ему это вполне удалось. Принцесса как увидела его, так сразу же и влюбилась, и единственным её желанием было, чтобы красивый принц остался у них навсегда. Иржик тоже кружил вокруг неё, как веретено, а слова из его уст сыпались сами собой, и речь текла плавно, как река.

Через несколько дней он стал делать вид, будто собирается покинуть замок, а сам очень боялся, как бы его и в самом деле не отпустили.

Но принцесса открылась отцу и просила задержать принца как можно дольше, что тот и сделал, а Иржик охотно остался. Однажды он оказался с принцессой наедине и открылся ей в любви, а когда услышал, что и она его любит, отправился к отцу просить её руки. Признался, что у него никакого княжества нет, потому, мол, что он самый младший из сыновей, но хоть сейчас может купить любое, даже самое великое. Старый король без промедления благословил их, а Иржика назначил своим соправителем. Вскоре отпраздновали свадьбу, и Иржик почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Подданные его любили, потому что он был добрым и никого без причины не обижал. Через несколько лет старый король умер, и Иржик стал единовластным правителем. .

У него уже было двое сыновей и дочь, с женой были они счастливы. Иногда он вспоминал про чёрта, но каждый раз думал: «А до той поры ещё далеко, кто знает, что ещё за это время может случиться!»

Но время пролетело так, что и оглянуться не успел, а до срока остался только один год. Когда Иржик спохватился, то так испугался, что от страха не мог спать. Бледный как тень ходил он по замку и грустно смотрел на своих детей и на свою дорогую жену. Разве могла этого не заметить любящая супруга? Часто спрашивала она Иржика, что с ним, но тот ни за что не хотел сказать причину. Так продолжалось целый год, и остался уже только один день до срока.

Весь день Иржик ничего не ел, заперся в своей комнате, чтобы не видеть слёз жены. Вечером двери сами собой открылись, и вошёл одетый во всё зелёное молодой человек.

— Ну, Иржик,— обратился он к королю,— не забыл ли ты, что прошло двадцать лет и сегодня ты должен идти со мной?

— Как можно такое забыть. Да видишь ли, я не успел ещё кое-что сделать, с женой не простился, подари мне ещё три дня.

— Я дам тебе и больше, с условием, что каждый день ты будешь загадывать желание, которое я должен буду исполнить. Придумывай что угодно, если же я не смогу его исполнить, то отдаю тебе расписку и лишаюсь на тебя всех прав.

Иржик поблагодарил чёрта и очень обрадовался, потому что рассчитывал как-нибудь его обмануть. Повеселев, вышел из комнаты и направился к жене, чтобы разделить радость с нею. Увидев улыбку на лице любимого, та тоже повеселела. И они вместе отправились на прогулку.

— Скажи мне, дорогая, чем я могу тебя порадовать, чего бы ты ещё хотела? — спросил её Иржик, рассчитывая узнать от жены какое-нибудь желание, поскольку сам не мог придумать для чёрта никакой работы.

— У меня всё есть. Хотела бы я лишь одного: чтобы ты всегда был весёлым.

— Хорошо. Однако всё же скажи: что нужно сделать, чтобы замок стал ещё краше?

— Спереди наш замок вполне хорош, а сзади скала всё закрывает, и окрестностей не видно. Без этой скалы было бы лучше.

— Ты права,— согласился Иржик и тут же решил задать эту работу чёрту.

Вечером явился чёрт и спрашивает князя, что ему нужно, каково его желание.

— Я хочу, чтобы до утра ты сровнял скалу, что сзади наш замок заслоняет.

— Будет так, как ты желаешь,— ответил чёрт и удалился.

Князь был уверен, что такое желание чёрт не выполнит и он выиграет время, но, встав утром, увидел из окна бескрайнюю равнину вместо скалы, от которой даже и следа не осталось.

Князь очень испугался. Пошел к жене.

— Бог с тобой, муж, ты или с чёртом связался, или же ты волшебник! — воскликнула она, удивлённо глядя в окно.

— Мне давно хотелось доставить тебе радость, но как это получилось, сам не знаю. Может, наш разговор домовый подслушал? Попробуй нарочно пожелать ещё что-нибудь. Интересно, исполнится ли и это желание?

Княгиня была женщина мудрая и понимала, что тут дело нечисто и муж её скрывает от нее что-то страшное. Вот она и сказала:

— Пусть будет вместо этой равнины сад, где были бы собраны цветы, растения и деревья со всех концов света, и чтобы все они были в полном цвету.

А про себя подумала: «Погоди, Иржик, если завтра и это исполнится, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты мне во всём не признаешься!»

Вечером чёрт получил задание: из равнины сделать сад, в котором были бы цветы, растения и деревья со всех концов света. Чёрт пообещал всё сделать и удалился. Когда князь утром проснулся, тысячи цветов и деревьев цвели на бескрайней равнине.

Подошла княгиня, и то, что она увидела, лишило её покоя. В страхе остановился взгляд её на этом цветущем великолепии. Она быстро обернулась, взяла Иржика за руку и сказала:

— А теперь, дорогой мой муж, больше не смей ничего скрывать от меня. Ты в сговоре с чёртом, в этом я уверена, скажи-ка лучше, когда срок обязательству, чтобы я могла утешить тебя или же помочь добрым советом.

— Уже поздно, сердце моё, сегодня последний день, вечером он придёт, я должен ему загадать ещё одно желание, а потом буду уже в его власти.

Иржик от начала до конца рассказал, кем он был и что с ним приключилось. Княгиня простила ему всё, так как очень любила его и знала: только из любви к ней он согласился на сделку с чёртом.

— Не печалься и не горюй. Чтобы никто ничего не заметил, мы будем веселы, а когда чёрт вечером придёт, пошли его ко мне, к тому времени я что-нибудь придумаю.

Иржик как будто заново родился, тяжесть свалилась с его души.

Вместе с супругой он отправился гулять, весь день провёл с детьми, был весёлый, как будто ничего не произошло. Вечером в обычное время чёрт явился.

— Что же ты придумал сегодня? — спрашивает он у князя.

— Иди-ка ты к моей жене, она тебе скажет, чего ей хочется, а я уже не знаю, что бы ещё придумать.

Чёрт вошёл в комнату княгини.

— Это ты тот самый чёрт, который должен взять моего мужа? — спрашивает она.

— Да.

— Могу ли я вместо него высказать любое желание?

— Да.

— А если ты его не выполнишь, власть твоя над мужем кончится?

— Кончится.

— Ну, ладно. Иди сюда и вырви у меня три волоса, но чтобы ни больше и ни меньше и чтобы я ни малейшей боли не почувствовала.

Чёрт нахмурился, подошёл к ней поближе, решительно ухватил три волоса и вырвал их. Однако княгиня всё же вскрикнула.

— Вот видишь, одну ошибку ты уже допустил; я ведь сказала, чтобы ни малейшей боли я не почувствовала. Ну, да ладно уж, я прощаю тебе это. Теперь возьми эти три волоса и измерь их.

Чёрт измерил волосы, а княгиня снова говорит ему:

— Теперь каждый из этих волосков ты сделаешь на два локтя длиннее, но не вздумай их надставлять, вытани те же самые, чтобы каждый стал на два локтя длиннее.

Чёрт с минуту глядел на неё и не знал, что ему делать. Тогда -он попросил, чтобы княгиня позволила ему взять их в ад и с коллегами посоветоваться. Она позволила, и чёрт исчез.

Спустившись в ад, он созвал совет, положил волосы перед главным чёртом Люцифером и рассказал, чего от него требуют.

— На этот раз ты проиграл, хитрец,— сказал Люцифер.— Стреляный воробей тебе попался. Как же быть? Если мы их станем тянуть, они порвутся. От удара они расплющатся. Сунем в огонь — сгорят. Ничего тебе не остаётся делать, как вернуться и отнести вместо волос расписку.

— Ой, не пойду я к ней, а то мне худо будет!

— В другой раз будешь умнее. А теперь иди и верни то, что тебе больше не принадлежит.

Чёрт был вынужден взять расписку и отдать тому, кто её писал. Подошёл он к замку, а в комнату войти побоялся. Стал караулить, когда князь окно откроет. Дождавшись, бросил расписку в комнату и сгинул.

Поднял Иржик расписку и побежал к жене, которая наперёд знала, чем всё кончится. Радости их не было конца, и жили они благополучно до самой смерти.

СЕМЬ ВОРОНОВ

Мать пекла хлеб и пообещала семерым своим сыновьям сделать каждому по хлебцу, если они будут вести себя тихо. Мальчики на минуту умолкли и сидели тихо, как мышки, но за минуту хлебцы испечься не могли, а терпения у ребят хватило ненадолго. Стали они опять матери надоедать, всё время дёргали её за платье и спрашивали, когда наконец хлебцы будут готовы. Мать терпела, терпела, но терпению её пришёл конец и она в гневе закричала на них:

— Чтоб вы все воронами стали!

Едва она произнесла эти злополучные слова, как сыновья её превратились в семерых воронов, печально поглядели на мать, затрепетали крыльями, поднялись в воздух и, не успев перепуганная мать опомниться, исчезли из глаз. Схватила она за голову, плакала, рыдала, но всё было напрасно — детей и след простыл.

А что было, когда отец вернулся и кудрявый Ярославек не вышел ему навстречу, и ни один из семерых сыновей не приветствовал его! Он плакал и чуть руки на себя не наложил, узнав об их несчастной судьбе. Жену он не укорял: видел, как она переживает, любил её и потому

старался боль свою в сердце прятать.

Со временем материнское горе поутихло, особенно после того, как на радость обоим родилась дочурка. Назвали её Богданка.

Маленькой Богданка была хорошенькая, а с годами становилась всё красивее на радость родителям.

Однажды стояла она в чулане возле сундука, в котором мать что-то искала, и увидела мальчишечьи курточки и рубашки.

— Матушка, а чьи это курточки и рубашки? — спросила она у матери.

— Ох, не спрашивай меня, дитя моё милое, — ответила мать и залилась горькими слезами.

Богданка увидела, что мать плачет, и спрашивать её больше ни о чём не стала, однако всё время думала: чьи же всё-таки это курточки и рубашки и почему при виде их матушка плачет? Стала спрашивать отца, но он тоже прослезился и ничего не сказал. Тогда она подумала: а может, у неё были братья? Может, они умерли или живут где-нибудь в чужих краях? Но почему никто никогда про них не вспоминает?

Была у них в доме старая служанка по имени Дорота, она служила у них уже много лет, стала уже как член семьи. Вот у неё Богданка и спросила, чьи это курточки и рубашки, что в сундуке лежат. Долго Дорота не хотела говорить, но не устояла и всё про семерых братьев девочке рассказала. Ох, до чего же опечалила Богданку их несчастная судьба!

— Расскажи мне, Доротка, — просила девочка, — расскажи, как мои братики выглядели?

Дорота стала подробно описывать мальчиков, рассказывала, кто чем занимался, что любил из еды, кто был просто хорош, а кто ещё лучше.

— Как бы я любила своих братьев! — вздохнула девочка, когда Дорота кончила их расхваливать и на минутку задумалась. Вдруг Богданка спросила:

— Но куда же, Доротка, мои братья могли улететь, неужто они пропали навсегда?

— Пропали? Пожалуй нет. Только неизвестно, где место их заклатья. Боюсь, что никто не осмелится разыскивать их по свету.

— Если бы я была взрослая и сильная, я бы искала их до тех пор, пока не нашла!

— Милая девочка, мир так велик, ты потеряешься в нём, как маковое зёрнышко на бескрайнем поле, — отговаривала старая служанка Богданку. Но смелая девочка не отказалась от этой мысли, думала о бедных своих братьях, о скорби родителей, которые тайком от неё плакали, и решила она отправиться на розыски, как только вырастет.

Шли годы, и Богданка выросла стройная, как ель, лицо стало красивым, но красивее всего в ней была её чистая душа. За всё это время она ни на одно мгновение не забывала о своём решении, а когда ей исполнилось восемнадцать лет, подумала, что пора отправляться в путь. Дело было лишь за тем, чтобы родители отпустили любимое дитя из дому. Но Богданка твёрдо решила позволение у родителей вы-просить.

Однажды сидели отец с матерью рядышком, вспомнили про своих сыновей, прослезились. Тут

Богданка подошла к ним, взяла их за руки и сказала:

— Матушка, батюшка, не скрывайте своих слёз от меня, ведь я знаю, что вас сокрушает, и хочу вам помочь.

— Ты знаешь, что нас сокрушает, и хочешь нам помочь? Помочь нам нельзя! — вздохнули родители.

— Ох, можно! Я обязательно вам помогу, если только вы позволите мне то, о чём буду вас просить.

— Кто тебе рассказал?! Как ты хочешь нам помочь? О чём просишь? — стали спрашивать они её.

— Вот уже три ночи подряд снится мне, будто к моей постели прилетел ворон и говорит: «Не теряй времени зря, Богданка, отправляйся-ка в путь. Я — один из семи твоих заколдованных братьев. Мы ждём, чтобы ты нас освободила. Скажи про это матушке и батюшке и отправляйся в дорогу, мы поведём тебя и будем охранять повсюду, куда бы ты ни пошла». Так три ночи кряду говорит мне этот ворон. Вот откуда я знаю, что у меня было семь братьев, о которых вы горюете и которых я вам верну, если вы благословите меня на это и отпустите из дому,— кончила свою речь Богданка.

Сон этот она выдумала, чтобы легче было получить позволение родителей.

— Ах, дитя наше! Ты хочешь, чтобы и о тебе мы горевали, хочешь, чтобы мы лишились последней радости в жизни? Нет, нет, ты не покинешь нас! — умоляли несчастные родители, испугавшись дочкиных слов.

— Значит, пусть братья, которые всю надежду возлагают на меня, погибнут? Отпустите вы меня и не тревожьтесь, что я пропаду в огромном мире. Меня ведёт любовь и будет хранить во всех моих скитаниях. Зато сколько будет радости, когда я братьев приведу и сама жива-здоровая к вам вернусь!

Так настойчиво уговаривала Богданка родителей, пока они наконец, обливаясь горькими слезами, с тяжким сердцем не дали согласие.

Стала Богданка собираться в дорогу и через несколько дней была готова. Когда она стала прощаться с родителями, мать сняла с руки перстень, отдала его ей и сказала:

— По этому перстню мои старшие сыновья тебя узнают, это была самая любимая их игрушка, когда, бывало, я сажала их к себе на колени.

Благословили родители своё дорогое и единственное дитя, с тяжким сердцем рассталась с ними Богданка, но смело отправилась она в далёкий мир без провожатых и защитников, только чистая сестринская любовь хранила её.

Долго ходила она, пока удалось кое-что о братьях узнать. Пришла она однажды в огромный лес, бродила-бродила по нему и наткнулась на избушку. Вошла в неё. Там было прохладно и уютно, но пусто. Богданка присела и стала ждать: кто же придёт? Вдруг дверь с шумом распахнулась, и вошёл лесной молодец.

— Кто ты и что тут делаешь? — спросил он Богданку, и сильный порыв его дыхания коснулся её.

— Не гневайся, хозяин, я ищу своих братьев; сегодня я заблудилась в этом лесу и вошла в твою избушку. Разреши мне здесь отдохнуть.

— Я — Ветер, и каждого, кто станет на моём пути, я смету. Но ты устала с дороги, и я разрешаю тебе отдохнуть.

Богданка опять села и про себя подумала: «Коль уж этот молодец — Ветер, может, он о братьях что-нибудь знает?» И решила спросить у него про них.

— Хозяин,— немного погодя завела она разговор,— давно уже я хожу по свету и разыскиваю семерых своих братьев, которые в воронов заколдованы. Не знаешь ли ты, где они могут быть?

— Ничего не могу тебе про них сказать, но мой брат Месяц должен бы знать, где они. Коль уж ты такая хорошая сестра, я тебя к нему отнесу.

Богданка охотно согласилась, и Ветер подхватил её на свои могучие крылья и понёс к Месяцу.

Месяц был бледным юношей с серебряными волосами.

— Что ты ищешь у меня? — спросил он Богданку, когда Ветер её к нему принёс.

— Ищу я, хозяин, семерых своих братьев, заколдованных в воронов. Твой брат Ветер сказал мне, что ты должен бы о них знать. Вот я и прошу тебя, скажи мне: где они?

— Рад бы тебе сказать, где они находятся, но мне ничего про них неизвестно. Брат мой, Солнце, что-то знает... Хочешь, я тебя к нему отнесу?

Ещё бы Богданке не хотеть! С радостью вверила она себя сребровласому юноше, и Месяц отнёс её к Солнцу, брату своему.

Солнце было златовласым, с румяными щеками.

Когда Богданка обратилась к нему с просьбой, оно ответило:

— Я знаю, где твои братья, и могу тебя к ним отнести. Но сперва отдохни и подкрепись ужином.

Богданке пришлось присесть и поужинать. На ужин ей дали цыплёнка.

Когда она поела, Солнце говорит ей:

— Косточки, девочка, не бросай, собери их и возьми с собой, они тебе ещё пригодятся.

Богданка послушалась и завязала косточки в фартук. Она отдохнула ещё немного, а когда ночь была на исходе, Солнце приехало на золотой повозке, Богданка села в неё, и помчались они через горы и долины. Долго ехали, пока не очутились в тёмной, окружённой со всех сторон скалами долине. Там златовласый юноша высадил её из повозки и сказал:

— А теперь полагайся на себя!

И исчез.

Богданка огляделась вокруг и увидела те же высокие скалы и ту же пустую долину. Где ей искать братьев, она никак не могла понять. «Может, они на какой-нибудь из скал,— сказала

она себе,— только как же я, несчастная, туда заберусь? »

Стала ходить от скалы к скале, пока не остановилась перед той, которая показалась ей более доступной. Чтобы легче было карабкаться, стала она подворачивать платье. Тут косточки у неё из фартучка выпали и, глядь — вот диво-то! — превратились в лесенку, которая достигла самой вершины скалы. Богданка живо стала взбираться по перекладкам и, счастливо добравшись до последней, очутилась в пещере. С первого же взгляда она поняла, что отыскала жилище братьев. Стояло там семь кроватей, посредине стол, накрытый на семерых. Запасов, чтобы приготовить обед, было достаточно, и огонь ещё не угас. Богданка быстро стала готовить семь разных кушаний, для каждого своё. Когда обед был приготовлен, поставила она еду на стол, сняла с руки материнский перстень и положила его под тарелку, где, как она думала, сидит старший из братьев. Потом всё привела в порядок, спряталась за одной из кроватей и стала ждать, когда братья придут. Вскоре братья-вороны вернулись домой.

— Братцы, братцы, вот мамин перстень — значит, здесь должен быть гость из дома! — радостно закричал самый старший, когда, отодвинув тарелку, нашёл перстень.

Все обернулись — и тут увидели Богданку.

— Кто ты? — спросили они в один голос.

— Ваша сестра Богданка! Отец и мать шлют вам привет, а чтобы вы мне поверили, мама дала мне свой перстень.

— Мы и так верим, что ты наша сестра, кто бы ещё отважился к нам прийти! — обрадовались братья.

Они тут же освободили ей место за столом, заставили её рассказывать, что было дома с тех пор, как они исчезли. Когда она закончила свой рассказ, спросила у братьев, как можно их освободить.

— Дело это трудное, хотя сперва, может, и покажется тебе лёгким,— сказал самый старший.

— Если, милая сестра, ты хочешь нас освободить, шей каждому по рубашке. Но ты сама должна лён посеять, прополоть его, убрать, вытеребить, вычесать, пряжу спрясть, соткать полотно, отбелить и сшить из него рубашки. И всё это молча, что бы с тобой ни происходило. Если у тебя хватит духу решиться на это и ты всё сделаешь, тогда освободишь нас.

— Дело не такое уж и трудное, всё это я делать умею, а молчать буду, коль я знаю, что этим вас освобожу,— отвечала сестра.

За слова эти братья готовы были её расцеловать.

После ужина они постелили ей, и она скоро уснула.

Утром, когда позавтракали, один из братьев дал ей лукошко с семенами и сказал:

— А теперь ты должна покинуть нас, милая сестра. Если хочешь нас освободить, возьми эти семена и пойдём с нами, мы тебе покажем, где их посеять.

Богданка была согласна всё сделать, взяла лукошко и пошла за ними. Пришли они в долину, показали ей братья поле, где сеять лён, и дуплистую иву, где ей жить, потом вернулись в свою пещеру.

Богданка тотчас же поле подготовила и посеяла семена. Пока семена всходили и лён подрастал, ей было скучновато оттого, что делать нечего, и она либо гуляла по долине и по лесу, либо украшала своё жильё — дуплистую иву. О пропитании ей заботиться не нужно было, потому что завтрак, обед и ужин в положенное время оказывались в дупле, и, она знала, что это братья ей приносят.

Вскоре лён подрос, и Богданке пришлось его полоть, тут уж работы хватало. Между прополкой и уборкой льна опять прошло какое-то время, и теперь она уже знала, что скучать ей не придётся. Тщательно расстилала она лён по росе, переворачивала его, а когда она его помяла, вытрепала, вытеребила, стал он мягким. Всё, что было нужно для этого, так же, как и веретено с прялкой, когда наступало время, она находила в дупле. Но вот лён её был сложен — и можно начинать прясть. Села она за прялку — и пошло веретено кружиться, как волчок. Прядёт она, а сама вспоминает о доме, о том, как сживала с матерью и Дороткой на посиделках, а отец или рассказывал что-нибудь, или же читал. «Теперь сидят они одни,— думала она,— и вспоминают обо мне: где, мол, дочка теперь и увидим ли мы её? Хорошо бы к завтрашнему дню закончить всё, что нужно, но это невозможно! Пусть же время пройдёт незаметно. Пусть родители нас дождутся». При мысли об этом стала она вытирать фартуком наворачившиеся на глаза слёзы, а когда отняла его от лица, увидела перед собой пса. Он обнюхал её со всех сторон и принялся лаять. Тогда она вышла из дупла посмотреть, нет ли поблизости хозяина собаки, и увидела вдаль приближающуюся карету. Спряталась Богданка обратно в дупло, стала прогонять пса, а тот не уходит и всё время лает.

В карете сидел молодой пан, он возвращался из путешествия, заблудился и случайно завернул в эту долину. Услышав собачий лай, пан послал кучера узнать, в чём дело. Кучер направился к иве и, когда увидел в дупле Богданку, которая там пряла, спросил её, кто она и почему сидит в дупле.

В ответ Богданка только покачала головой и жестом показала, что, мол, она немая. Кучер вернулся к своему хозяину и рассказал про всё, что видел, добавив, что немая панна очень хороша собой. Пан тотчас же велел кучеру подъехать к иве. Как перед тем кучеру, так и теперь пану Богданка показала, что она не говорит, но тот не обращал на это внимания и решил забрать красавицу пряху с собой — очень уж она ему понравилась. Он тут же Богданке про это сказал.

Девушка, конечно же, напугалась, однако вспомнила, как брат просил её молча и терпеливо сносить всё, Она положилась на судьбу, сочла, что испытание это неизбежно во имя освобождения братьев.

Обрадованный, что девушка согласилась, пан по её знаку велел весь лён, прялку и веретено перенести в карету. Сели они, кучер хлестнул коней — и те понеслись быстрее ветра. По пути Богданка решила взглянуть на молодого человека, потому что при встрече даже лицо его рассмотреть не успела. Но, едва подняв на него глаза, тотчас же их опустила. Она встретила взгляд его глаз, сиявших, как два солнца.

К замку они подъехали молча. Богданка говорить могла, но не смела, он говорить смел, но не мог, так как влюбился. Слуги с удивлением рассматривали Богданку, когда хозяин помогал ей выйти из кареты и велел, чтобы лён и прялку отнесли за ними. В доме их встретила немолодая уже хозяйка, неродная сестра пана. Хотя встретила она их приветливо, но в душе была им не рада: она была злая и, кроме себя, никого на свете не любила. Брат по доброте сердечной любил её как сестру и доверил ей хозяйство. Она знала его слабости и так умела играть на них, что и он нередко бывал несправедлив к другим.

Богданке жилось в замке хорошо, пан готов был исполнять всё, что мог прочесть в её глазах.

Однако о братьях своих Богданка не забывала, пряла не покладая рук и не произнесла ни слова даже тогда, когда любимый спрашивал, хочет ли она стать его женой. Но и без слов они поняли друг друга. Вот почему однажды он велел сестре готовить свадьбу. Той не понравилось, что брат женится на незнакомой девице, и она всячески выговаривала ему, но на этот раз у неё ничего не вышло. Видя, что все её уговоры напрасны и брат решения не изменит, она подумала: «Ну и пусть женится на ней! Лучше уж на этой немой девке, чем на равной себе,— эта хоть не станет мне мешать править домом, командовать мною не посмеет.

Если же попытается, так я найду средство, которое навсегда отобьёт у неё охоту лезть в хозяйки».

Так думала про себя эта злюка, а сама делала вид, будто с большой охотой готовит свадьбу. Богданке тоже пришлось на несколько дней отложить работу. Вместо того чтобы прясть лён, она занималась свадебными приготовлениями, принимала гостей. Со всем для неё новым освоилась так быстро, что даже муж её решил: наверно, она из знатного рода. Сестру мужа Богданка раскусила скоро, однако виду не подала, была с нею ласкова и приветлива, но распоряжалась в доме сама и, где могла, делала людям добро. Слуги полюбили новую хозяйку. А муж всё беспокоился, что она так много прядёт, убеждал, что нужды в этом у неё уже нет, но уговорить так и не смог: Богданка дала ему понять, что если он ей это не позволит делать, то она будет очень несчастлива. И он разрешил ей делать всё. Когда пряжа была готова, она велела поставить в комнате ткацкий станок и принялась ткать. В этом не было ничего удивительного, потому что в те времена самые благородные господа умели выполнять все домашние работы. Спустя какое-то время Богданка почувствовала, что станет матерью. Муж её был счастлив, ни о чём ином он и не мечтал. Ещё одно желание

Богданки скоро должно было исполниться: полотно было отбелено, и она начала шить рубашки. Предстоящему появлению наследника обрадовалась и сестра пана, а в душе её, пропитанной ядом зависти, родился страшный план. Она изобразила такую искреннюю радость, что не ведающая лести и коварства бесхитростная Богданка ей поверила.

Однажды пан получает от друга письмо, где тот просит помочь ему в тяжбе и приехать к нему на несколько дней. Очень не хотел пан покидать свою дорогую Богданку, но и другу отказать не мог. Строго-настрога приказал он сестре, как только появится наследник, немедленно послать к нему курьера. Та пообещала, пан простился с любимой супругой и уехал.

Через три дня родила Богданка сыночка. Золовка за нею ухаживала, и, едва дитя родилось, она заткнула ему рот, завернула в пелёнку и выкинула в окно, а на его место подложила котёнка. Мать испугалась — это был самый страшный удар из всех, что могли её постигнуть. Но что она могла сказать? Никого при этом не было, никто не знал, что правда, что ложь, да к тому же она не смела слова произнести, чтобы братьев не погубить.

А золовка тотчас же написала письмо брату, будто бы Богданка — колдунья, и если он не хочет быть несчастным, пусть велит сжечь её живьём. Тут же она написала записку и другу брата, чтобы тот его у себя задержал и к жене-колдунье не пускал.

Когда Богданкин муж получил это письмо, он не знал, что и делать, но друг ни за что не хотел его отпустить, пока тот не успокоится. Друг отослал гонца с письмом к сестре, где сообщал про отчаяние её брата, а также обещал, что сейчас его не отпустит.

Тем временем сестра распускала про невестку такие страшные слухи, что даже слуги не

осмеливались к ней войти, хотя все её по-прежнему сердечно любили.

Когда вернулся гонец, золовка сказала, что в письме от брата написано, чтобы, во избежание несчастий, колдунью без промедления на костре сожгли. Приказ этот должны исполнить тотчас же. Никто даже оглянуться не успел, как костёр уже был готов.

А Богданка сидела в это время в своей спальне тихая, бледная, вся в слезах и дошивала рукав последней рубашки. Она не знала даже и половины всех подлостей золовки, хотя давно убедилась, что причина всего именно в ней. Тут пришла золовка, объявила ей приказ мужа и велела готовиться к смерти.

Богданка знала, что это неправда, но ничего не могла поделать. А возбуждённая толпа рвалась в комнату, чтобы взглянуть на ужасную колдунью. Знаками просила она золовку, чтобы та разрешила ей сделать ещё семь последних стежков на рукаве, но и это ей не было позволено. Тогда положила она рубаху на остальные и произнесла со вздохом:

— Братики мои, я работу кончила, а где же вы?

В тот же миг грянул гром, и семь воронов спустились и положили Богданке на руки её сыночка.

— Здесь мы, дорогая сестра, вот тебе часть нашей платы, а теперь быстро набрось на нас рубашки!

Обрадованная, схватила она рубахи и набросила их на братьев. В тот же миг они превратились в статных парней, только у самого младшего, у Ярославека, на плече осталось семь перышек — там, где не было сделано семь последних стежков.

В этот самый момент во дворе раздался стук копыт, и мгновение спустя Богданка обняла своего мужа и подала ему сына. Если бы муж мог любить её ещё сильнее, то наверняка бы это сделал, когда узнал, сколько ей пришлось пережить, чтобы освободить братьев. На радостях они увлеклись разговорами и забыли про сестру-злодейку. Но слуги схватили её и расправились с нею.

Пан и Богданка узнали про это, когда её уже не было. Богданка испугалась, а муж сказал ей:

— Слава богу, что её больше нет. Она прислала мне такое страшное письмо, что я чуть с ума не сошёл. Но я не терял веру в тебя. Как ни старались меня задержать, я всё же вскочил на коня и умчался, да вот чуть было не опоздал — спасибо, братья тебя спасли.

Муж её продал замок и вместе с женой и шуринами отправился к их родителям.

То-то обрадовались мать и отец, когда все дети, которых они уже давно считали пропавшими, вернулись, а с ними ещё один сын да внук. Что ещё нужно для полного счастья?